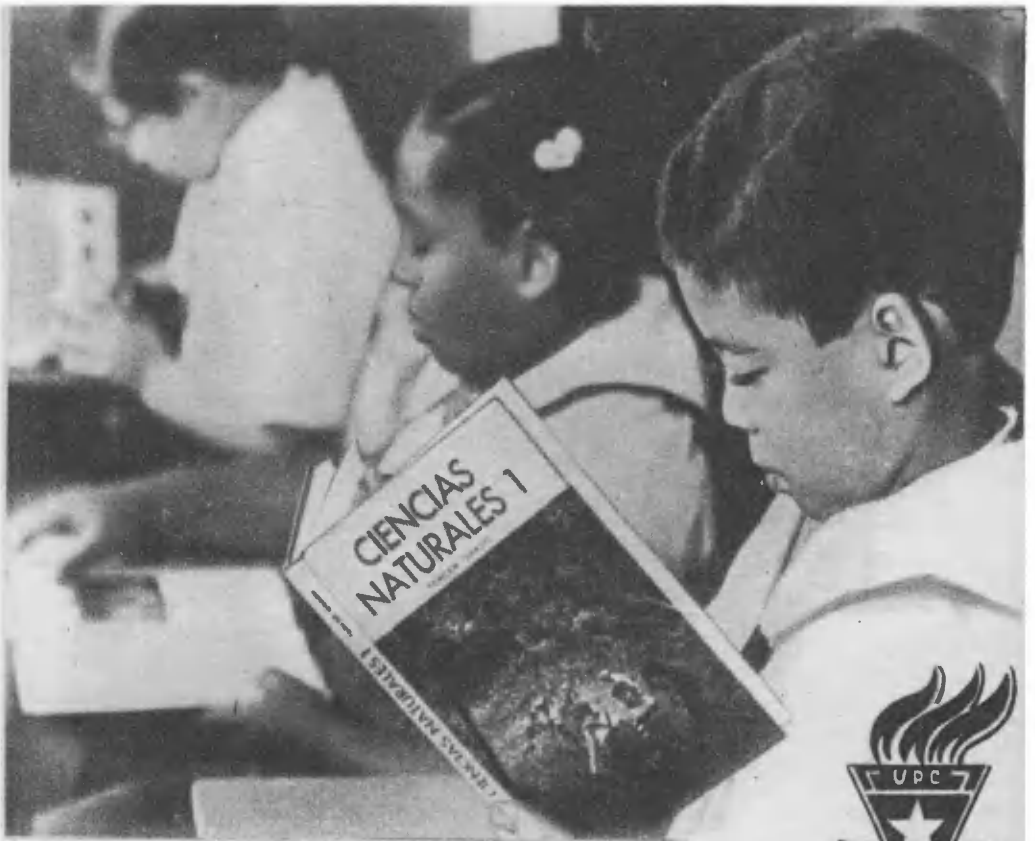

Искорка **1**
1979

ЯНВАРЬ • 1979

год издания XXIII

ЕЖЕМЕСЯЧНИК
газеты
«Ленинская
искорка»,
орган
Ленинградского
Обкома и
Горкома
ВЛКСМ,
Ленинградского
Совета
пионерской
организации
имени
В.И.Ленина

Николас ГИЛЬБЕН

СОЕДИНИМ НАШИ РУКИ

*Дайте мне ваши руки
твердыню мира построить:
негры — чёрные руки,
белые — белые руки.*

*Да,
от горных вершин до равнины,
от равнины до горных вершин
пусть проходит стена-исполн,
стена нерушимой твердыни.*

*— Тук, тук!
— Эй, кто там?
— Цветок и лира.
— Открыть ворота!
— Тук, тук!
— Эй, кто там?
— Ядро и мортира.
— Закрыть ворота!
— Тук, тук!
— Эй, кто там?
— Голубка мира.
— Открыть ворота!
— Тук, тук!
— Эй, кто там?
— Шакал-проныра.
— Закрыть ворота!*

*Сердечность и дружба —
открыть ворота!
Вражда и злоба, —
закрыть ворота!
Тюльпан и гвоздика, —
открыть ворота!
Змея и гиена, —
закрыть ворота!
Фиалка и роза, —
открыть ворота!*

*Воздвигнем высокую стену;
соединим наши руки:
негры — чёрные руки,
белые — белые руки.*

*Да,
от горных вершин до равнины,
от равнины до горных вершин, —
пусть проходит отныне
наша стена-исполн.*

Перевёл с испанского В. АНДРЕЕВ

Рис. Л. Коломейцевой

САЛЮТ

Василий ОСТРОВСКИЙ

Рис. Л. Московского

Только что из чёрной тарелки репродуктора доносилась музыка и вдруг — щелчок, секундная пауза и строгий голос чётко произносит:

— Внимание! Внимание! Говорит штаб местной противовоздушной обороны города. Район подвергается артиллерийскому обстрелу. Движение по улицам прекратить, населению укрыться!

За девятьсот дней блокады ленинградцы слышали это более трёх тысяч раз. И 649 раз выли над городом сирены, подавая сигнал воздушной тревоги.

Первый снаряд разорвался в городе 4 сентября 1941 года. Потом их было много. Почти каждый день свистели они над крышами домов, крошили стены, корёжили мостовые. Ленинградцы даже научились различать по звуку, кто стреляет: наши или фашисты? Если самого выстрела было не слышно, а свист снаряда всё нарастал, приближаясь, — значит били немцы. Если же сначала доносился хлопок, а потом удаляющийся, затухающий свист — наши бьют!

Но в тот день — 14 января 1944 года — всё перепуталось, перемешалось. Отдельных выстрелов просто не было слышно. Всё слилось в один сплошной гул.

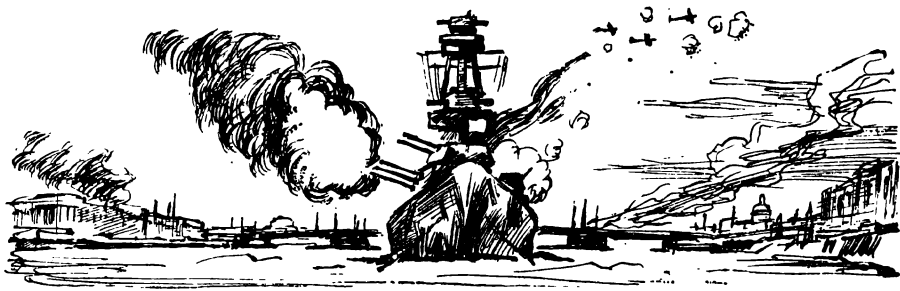
Над городом висели низкие облака. Обычно такие облака помогали артиллерийским разведчикам засекать вражеские батареи: красные вспышки орудий отражались в них, как в зеркалах. Но тут не было видно отдельных вспышек. Облака окрасились в красный цвет и висели над городом, словно алое знамя, зовя бойцов в атаку.

В этот день свыше 14 тысяч пушек и миномётов, 235 орудий корабельной и береговой артиллерии, более 1200 самолётов обрушили на врага свою огневую мощь.

Ленинградский фронт пошёл в наступление. Ударил с Ораниенбаумского плацдарма и под Пулковом. Прорвал укрепления, которые год за годом возводили захватчики у стен города. Прорвал и погнал гитлеровские войска на запад.

Кончались девятьсот немыслимо тяжёлых дней блокады.

За подвиг в Великой Отечественной войне Ленинграду было присвоено звание города-героя. Его наградили орденом Ленина и Золотой Звездой Героя Советского Союза. Наградили город. Всех, кто его защищал. И воинов Ленинградского фронта, и мирных жителей. Впрочем, какие это «мирные жители» в осаждённом Ленинграде? Они ведь тоже сражались — женщины, старики, дети. В годы войны о Ленинграде говорили: «Город-фронт». Значит, все его жители были фронтовиками. Даже школьники. Пять тысяч ленинградских мальчишек и девчонок были награждены орденами и медалями. За смелость, мужество и отвагу.

В подвиге Ленинграда слиты воедино тысячи подвигов защитников города. Тут и подвиг какого-то отдельного человека. Или пехотного взвода. Или заводской бригады. Или жильцов дома.

К примеру, прибыл с далёкой Полтавщины на Ленинградский фронт боец Дьяченко. Выдали ему снайперскую винтовку. Когда боец получает винтовку, он прежде всего читает выбитый на ней номер. Читает вслух, чтобы старшина записал этот номер в свою тетрадку и чтобы самому запомнить этот номер навсегда.

Боец Дьяченко тоже громко произнёс:

— Номер сто двадцать! — и, помолчав немного, добавил: — Обещаю убить столько же фрицев. Чтобы неповадно было ходить им на нашу землю.

Сдержал свою клятву солдат. Только с некоторой поправкой: не 120 фашистов уничтожил снайпер Герой Советского Союза Фёдор Трофимович Дьяченко, а 424. И ещё для круглого счёта 425-го привёл в плен.

Фёдор Трофимович и сейчас живёт в нашем городе. Рядом со своей бывшей огневой позицией.

Это один подвиг. А вот другой. На одном из ленинградских заводов вышла из строя мартеновская печь. Выгорели, выкрошились несколько кирпичей. Надо было ждать, пока она остынет, и менять огнеупорную кладку. А ждать было нельзя.

Рядом с огромным мартеном встала девушка. И хотя нацепила она на себя как можно больше всякой одежды — всё равно было видно, какая она маленькая и тощая. Только дело не в росте, не в весе — в характере.

— Обливайте, что ли, — сказала тихо.

Рванулась из шланга вода. До ниточки промочила каменщицу. И полезла она в печь. Такой жарой пахнуло на Катю Воробьёву, что и шага не сделать, глаза туман застилает. Но — надо ведь! Потихоньку, на ощупь нашла она выкрошившиеся кирпичи. Чувствует: дышать больше нечем! Выбралась наружу, отдышалась, снова: «Поливайте!» И — в печь. Сколько раз туда лазала — никто не считал. А только на следующий день ремонт был закончен. Снова сверкнул мартен своим красным глазом, забурила в нём огненная река, пошёл металл фронту.

В ту пору сражались там три Катиных брата: Николай, Алексей, Борис Воробьёвы. Не знали они, не ведали о подвиге своей сестры. Узнали бы — до земли поклонились. Весь Ленинградский фронт мог бы сказать спасибо маленькой каменщице Екатерине Воробьёвой. Разные подвиги бывают...

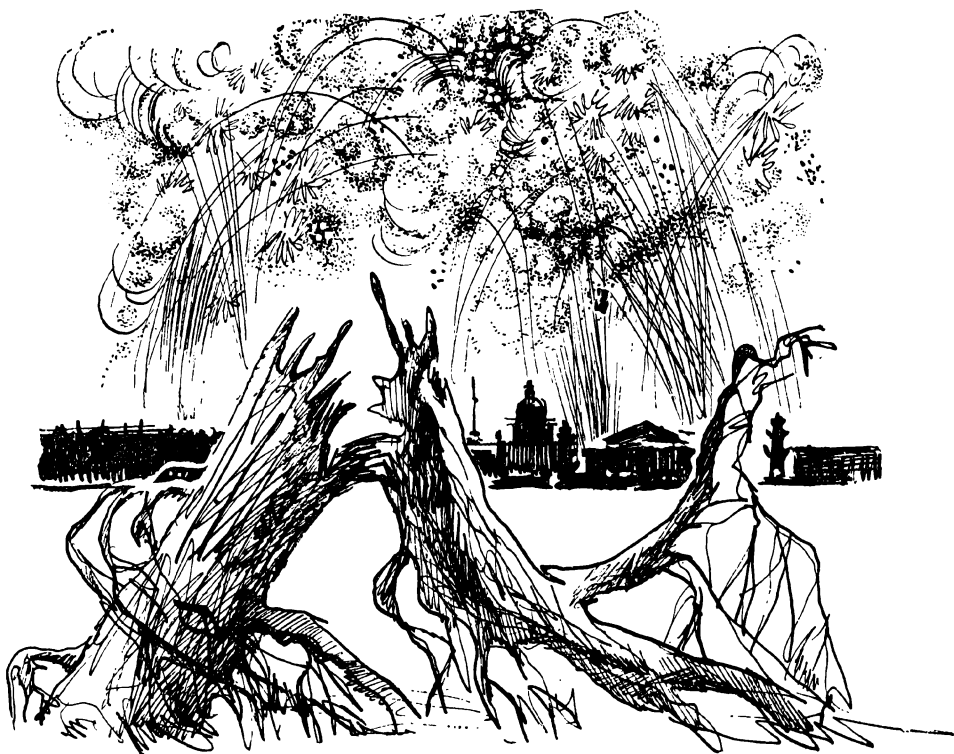
Суровая блокадная зима изменила город. Исчез перезвон трамваев, на улицах залегли огромные снежные сугробы. И ещё — перестали работать уличные часы. На первый взгляд может показаться: подумаешь — часы! И без них прожить можно!.. Но всё-таки нельзя без часов. Вроде, как время остановилось в городе, стиснутом со всех сторон врагами...

Так вот: одни часы в Ленинграде работали! Всю блокаду. Не останавливаясь ни на минуту. Находились эти часы на башне Института метрологии, что на Московском проспекте. Это были старинные башенные часы. Механизм их приводился в движение обыкновенной гирей — как у довоенных ходиков. Только гиря была, разумеется, потяжелее. Вверх её поднимали электролебёдкой. Но электричества не стало — перестала работать и лебёдка. И тогда каждый день стали забираться на башню два старика: Иван Федотович Федотов (его на работу в институт принял когда-то ещё сам Дмитрий Иванович Менделеев) и Константин Дмитриевич Анисимов. Старикам на такую высоту и в мирные дни залезать трудно было, а тут — голод, холод... Но залезали! И вручную поднимали тяжеленную гирю. Шли часы. Бежали по циферблату стрелки: вперёд, вперёд, к Победе!

Фашисты готовили нашему городу полное уничтожение. В секретной директиве германского военно-морского штаба «О будущности Петербурга» говорилось: «Фюрер решил стереть город Петербург с лица земли. После поражения советской России нет никакого интереса для дальнейшего существования этого большого населённого пункта... Предложено тесно блокировать город и путём обстрелов из артиллерии всех калибров и непрерывной бомбёжки с воздуха сравнять его с землей». Они были уверены в своей победе и вместе с бомбами сбрасывали листовки: «Сделаем из Ленинграда — поле, из Кронштадта — море». История показала, что ленинградцы оказались сильнее самых сверхвооружённых фашистских орд.

Около станции Лигово стоит бетонный обелиск. Надпись гласит: «На этом рубеже 18 сентября 1941 года героические защитники Ленинграда остановили германские полчища и заняли несокрушимую оборону». Одним из этих защитников был сержант Николай Красношапка. Целая рота фашистов кинулась на окоп, где он занимал оборону с несколькими товарищами. Заговорили винтовки. Гитлеровцы откатились назад. Обрушились на окоп шквал огня из пушек и минометов. Редели ряды защитников маленького окопа. Вскоре Красношапка остался один. Винтовки из рук не выпускал. Немцы пошли в атаку — он уложил ещё одиннадцать человек. Но враги лезли и лезли, подобрались уже к самому окопу. Красношапка метнул гранату. Ещё шестеро гитлеровцев свалились замертво. И всё же немцы окружили бойца. Сразу трое бросился на него. Пришлось драться руко-

пашную. Двое, отведав удары прикладом, больше не встали, третий бросился наутёк.

Но и сам Красношاپка был ранен. В правую руку. Истекая кровью, он продолжал вести бой: гранаты в наседающего врага метал левой. В тот день однополчане написали письмо родителям героя: «Клянемся вам, что будем достойны Николая Красношайки. Клянемся любить и защищать свой народ так, как защищал его наш боевой товарищ, который больше своей жизни любил свою Родину».

Много отважных бойцов в годы Великой Отечественной войны стали Героями Советского Союза. А кто был первым? Воин Ленинградского фронта лётчик-истребитель Степан Здоровцев. Шёл седьмой день войны, когда Здоровцев, встретившись с фашистским «юнкерсом», применил воздушный таран. Сначала он ударил винтом по хвосту стервятника и срезал рули поворота. Потом снова пошёл на таран и отрубил рули глубины. Фашистский бомбардировщик камнем полетел вниз.

К августу 1941 года в Ленинграде был сформирован 191 партизанский отряд. Сотни отрядов были созданы жителями захваченных фашистами городов и деревень Ленинградской области. Штаб партизанского движения находился сначала в доме № 41 по улице Восстания, потом переехал на улицу Герцена в дом № 59. Сюда сходились все нити борьбы во вражеском тылу. Сюда из глухих лесов поступали сообщения о схватках с врагом, о взорванных эшелонах и мостах, о пылающих гитлеровских казармах.

А однажды из глубокого тыла врага прорвался через линию фронта огромный партизанский обоз и доставил осаждённому городу продукты. В ночь на 5 марта 1942 года начал он свой путь от деревни

Нивки и спустя 19 дней был в Ленинграде. 230 подвод! Три с половиной тысячи пудов продуктов! И в тридцати школьных тетрадах — письмо Центральному Комитету партии от партизан и колхозников. Впрочем, само-то письмо занимало всего две странички, остальные были заполнены пятью тысячами подписей людей, оставшихся верными своему долгу.

Наверное, вы видели немало кинофильмов о борьбе в тылу врага, немало читали книг о партизанах. Тогда вам легко представить, как трудно было собрать эти подписи, сохранить и переправить через линию фронта.

21 января 1944 года на Дворцовую площадь доставили захваченные в плен немецкие дальнобойные пушки. Те самые «берты», что обстреливали наш город с Вороньей горы. Так они и стояли рядом: орудия, славшие на город снаряд за снарядом, и Александровская колонна со следами осколочных ранений. А на снегу лежал 406-миллиметровый снаряд. Не удалось ему просвистеть по-разбойничьи над крышами Ленинграда. И ещё рядом стояли ленинградцы — спокойные, сосредоточенные...

В дни январского наступления наши войска вместе с фашистскими орудиями захватили и штабные документы врага, а среди них — план Ленинграда с указанием целей: куда нужно стрелять. С немецкой аккуратностью всё было расчерчено, рассчитано, разномеровано: цель № 9 — Эрмитаж, цель № 192 — Дворец пионеров, цель № 174 — лекторий, цель № 736 — школа в Бабурином переулке, цель № 708 — Институт охраны материнства и младенчества...

Их было много — летящих над городом фашистских снарядов: 148 478. После войны военные историки подсчитали: на каждый квадратный километр города упало 16 фугасных бомб, 320 «зажигалок», 480 снарядов. Разделите дни блокады на эти взрывы и получится, что в среднем на каждый день блокады приходилось по 300 упавших на дома и улицы снарядов и бомб.

И вот теперь стояла на Дворцовой площади зловещая «берта», замолкшая навсегда. Другие пушки готовились подать свой голос. Голос радостный, торжественный, ликующий! Голос Победы.

14 января 1944 года враг разбит возле Пулковских высот и возле Ораниенбаумского плацдарма.

18 января освобождены Ропша и Красное Село.

24 января враг выбит из города Пушкина.

26 января — из Гатчины.

Ленинград мог праздновать победу. Уже много раз слышали ленинградцы по радио гром победных салютов над Москвой, а тут вдруг разнеслось по городу: «Салют! У нас салют будет!»

Это было до того необычно, что даже не верилось. Салют? Тысячи огней над Невой? И никаких затемнений, никакой светомаскировки? Долой шторы с окон? Долой синие лампочки? А кто будет стрелять? Последний вопрос был существенным. Войска Ленинградского фронта продолжали наступление, и артиллерия всё дальше и дальше уходила на запад.

Но в городе оставались моряки. Им-то и было поручено провести салют. Командующий Балтийским флотом вызвал к себе И. Г. Святова. Не случайно, конечно, именно его вызвал. Этого боевого моряка знала вся Балтика. Ещё до Великой Отечественной войны появились на груди морского командира боевые награды. В начале войны Иван Георгиевич Святов занимал должность начальника штаба отряда лёгких сил Краснознамённого Балтийского флота. Не подумайте только что это маленькие катера!.. Нет, в отряд входили крейсера «Киров»

и «Максим Горький», девять эсминцев. Отряд устанавливал на Балтике минные поля, сражался с немецкими подводными лодками.

Однажды воздушная разведка обнаружила большой конвой немцев, шедший к Ирбенскому проливу. Святову, находившемуся на эсминце «Стерегающий», поступил приказ: «Атаковать и уничтожить конвой». Прорывшись под самым носом у вражеских батарей, «Стерегающий» нагнал конвой. За полчаса эсминец потопил пять вражеских судов и два торпедных катера.

Разные боевые задачи ставились перед капитаном 2-го ранга И. Г. Святовым: высаживать морской десант в Новом Петергофе и эвакуировать наши войска с полуострова Ханко, участвовать в контрбатарейной борьбе с врагом и очищать море от вражеских мин. Любые задания он выполнял на «отлично».

И тут такое необычное задание: командовать победным салютом Ленинграда! Времени на подготовку салюта было очень мало: сутки. Задача точно определена приказом: «Произвести салют 24 артиллерийскими залпами из 324 орудий». Каждый орудийный ствол был взят на учёт: зенитные установки, корабельные пушки. Более тысячи солдат и матросов получили ракетницы и по 24 ракеты. Их строй растянулся по набережным Невы от моста Лейтенанта Шмидта до Литейного. Другие команды «ракетчиков» расположились на кораблях, стоящих на Неве. Командный пункт самого Святова — на борту крейсера «Киров», стоящего напротив Дома учёных. Связь — через микрорфон и с помощью корректировочных постов.

27 января 1944 года задолго до восьми часов вечера ленинградцы начали стекаться к Неве, заполнять её набережные, площади, улицы. Люди шли радостные, возбуждённые. Впервые за 28 месяцев они шли к Неве, не опасаясь обстрелов и бомбежек.

И грянул гром над Невой! Вспыхнули в небе тысячи разноцветных ракет. Вспыхнули, словно ордена и медали героических защитников Ленинграда.

Гремел салют над Невой.

Всё дальше, дальше гнали захватчиков от стен родного города. До самого Берлина гнали. До той стены поверженного гитлеровского рейхстага, где мелом по штукатурке написали: «Здесь были из Ленинграда майор Андреев, Охрименко, Михайлов. Мы пришли сюда, чтобы Германия к нам не ходила».

В ЖУРНАЛЕ «ИСКОРКА» есть старая добрая традиция — печатать молодых писателей. «Искорка» верит молодым и потому постоянно предоставляет им свои страницы. Многие теперь уже хорошо известные и горячо любимые детьми ленинградские писатели делали в нашем журнале свои первые творческие шаги. Посмотрите «Искорку» за последние 10—15 лет и вы увидите в ней первые произведения Николая Внукова, Владимира Арро, Якова Длуголенского, Ильи Дворкина, Вольта Суслова, Ильи Туричина и многих, многих других.

И сегодня по традиции мы предоставляем страницы первого номера журнала за этот год — молодым. Вы встретитесь с молодыми поэтами, молодыми прозаиками, молодым критиком, молодой журналисткой и даже с молодым композитором. Это люди разных характеров и профессий, они идут разными творческими путями, каждый из них ищет свой почерк, своё творческое лицо. Но объединяет их одно — молодость и горячая любовь к детям и детской литературе.

Давайте с ними знакомиться!

ДАВАЙТЕ ЗНАКОМИТЬСЯ

Композитору Александру Михайлову 30 лет. Он окончил Ленинградскую консерваторию. Сегодня он — аспирант Ленинградского института театра, музыки и кинематографии. У А. Михайлова немалый творческий багаж — есть у него опера, квартет, симфонietta, пьесы для фортепиано, работает он и в жанре песни и эстрадной музыки. Песню «Дневник Тани Савичевой» на стихи В. Шумилина А. Михайлов написал под впечатлением рассказов матери, которая пережила ленинградскую блокаду.

Сдержанно

p

1. В осаж-дённом Ленин-
граде эта де-воч-ка жи-ла. В уче-
ни-ческой теп-ра-ди свой дневник она ве-
ла. В дни войны погибла Та-ня, Таня

В па-мяти жи-ва: за-та-ив на миг ды-ханье, слышит

мир её сло-ва: «Женя умерла 28 декабря в 12 часов 30 минут»

утра 1941 года. Бабушка умерла 25 января в 3 часа дня 1942 года». Дядя Лёша умер 10 мая в 4 часа дня 1942 года. Мама — 13 мая в 7 часов 30 минут утра 1942 года»

Дневник Тани Савичевой

Музыка А. Михайлова

Стихи В. Шумилина

В осаждённом Ленинграде
Эта девочка жила.
В ученической тетради
Свой дневник она вела.
В дни войны погибла Таня,
Таня в памяти жива:
Затаив на миг дыхание,
Слышит мир её слова:

«Женя умерла 28 декабря в 12 часов 30 минут утра 1941 года. Бабушка умерла 25 января в 3 часа дня 1942 года».

А в ночи пронзает небо
Острый свет прожекторов.
Дома нет ни крошки хлеба,
Не найдёшь полена дров.
От котилки не согреться,
Карандаш дрожит в руке,
Но выводит кровью сердце
В сокровенном дневнике:

«Лёша умер 12 марта в 8 часов утра 1942 года. Дядя Вася умер 13 апреля в 2 часа дня 1942 года».

Отшумела, отгремела
Орудийная гроза,
Только память то и дело
Смотрит пристально в глаза.
К солнцу тянется берёзка,
Пробивается трава,
А на скорбном Пискаревском
Остановят вдруг слова:
«Дядя Лёша умер 10 мая в 4 часа дня 1942 года. Мама — 13 мая в 7 часов 30 минут утра 1942 года».
У планеты нашей сердце
Бьется гулко, как набат.
Не забыть земле Освенцим,
Бухенвальд и Ленинград.
Светлый день встречайте, люди,
Люди, вслушайтесь в дневник:
Он звучит сильнее орудий,
Тот безмолвный детский крик:
«Савичевы умерли. Умерли все.
Осталась одна Таня!»

Рис. К. Почтенной

ДАВАЙТЕ ЗНАКОМИТЬСЯ

Николай Фёдоров по профессии педагог. Ему 32 года. Свой первый рассказ для детей он принёс в «Искорку». Недавно в издательстве «Детская литература» вышла его первая книга «Напиши мне ответ», большинство рассказов этой книги были опубликованы в нашем журнале. Сегодня мы предлагаем читателям первую повесть Н. Фёдорова.

Николай Фёдоров — участник XV конференции молодых писателей Северо-Запада и делегат на совещание молодых писателей в Москве.

Николай ФЕДОРОВ

НИКА

Глава I.

ПОЛЁТ

Как-то папа сказал, что такие ступеньки называются царскими. Высота у них всего одиннадцать сантиметров. А ширина — хоть танцуй. Но вряд ли по этой наружной лестнице, непонятно для чего ведущей к окну второго этажа, ходили цари. Раньше в этом кирпичном двухэтажном домике была прачечная. Теперь склад магазина. Так что царям тут делать было нечего.

Впрочем, в тот момент ни о каких царях я не думал. Я уже прилично разогнался, и меня вместе с велосипедом трясло как отбойный молоток. Когда оставалось проскочить несколько последних ступенек, руль вдруг круто развернуло, заднее колесо дернулось вверх, я вылетел из седла и спланировал в ближайшую лужу.

— Мальчик, ты не ушибся? — услышал я и сразу вскочил. Передо мной стояла девчонка в желтой куртке. — Я так испугалась. Ты ведь мог разбиться.

— Ерунда. Я уже сто раз съезжал. Просто на камешек наскочил.

— Но зачем ездить по лестницам на велосипеде? Для этого дороги существуют.

Ох уж эти дурацкие вопросы: отчего да почему!

Я вытер рукавом грязь со лба и спросил:

— А для чего корове хвост?

Девчонка удивленно подняла брови.

— Хвост? — переспросила она и

неуверенно ответила: — Ну, чтобы мух всяких отгонять, комаров...

— Молодец, — сказал я. — Знание — сила.

Я отряхнул брюки и направился к валявшемуся велосипеду.

— Постой, мальчик, — крикнула девчонка. — Ты не знаешь, где в этом доме квартира сорок шесть?

— Вон там, — махнул я рукой, — за углом вторая парадная. Но в квартире никого нет.

— Откуда ты знаешь?

— Так я там живу. А ты к кому?

— Ах, значит ты и есть... — девчонка запнулась.

— Что я и есть?

— Так, ничего. Вообще-то я к Антонине Петровне. Мама просила передать ей выкройки. Они вместе учатся на курсах.

— Давай мне, я передам.

Девчонка посмотрела на мои руки и сказала:

— Нет, я лучше в другой раз зайду. Или подожду. Твоя мама скоро придет?

— Скоро. Она в магазин пошла. Можешь зайти, если хочешь. Мне все равно домой — велосипед чинить.

Дома я усадил девчонку на диван, а сам пошел в ванную. Видик у меня был страшноватый: куртка порвана, лицо в грязных разводах, на лбу ссадина.

Когда я вернулся, девчонка сказала:

— Вот теперь другое дело.

— А ты вообще-то можешь идти, — сказал я, — чего зря сидеть. А выкройки я передам.

— Нет, я лучше подожду, — сказала она. — И потом не очень-то вежливо гостей выпроваживать.

— Да я и не выпроваживаю, — сказал я. — Сиди сколько хочешь. Я думал, ты торопишься.

— Никуда я не тороплюсь. — Девчонка поджала губы и молча на меня уставилась.

Надо было что-то говорить. Но я совершенно не знал, о чем с ней разговаривать. Тогда я сказал:

— А мы вчера с папой в баню ходили. На Разночинную. Папа со-

вершенно в ванне не любит мыться. Веник вот купили...

— Серьёзно? А я вчера с родителями в филармонию ходила. Ты был в филармонии?

— Был один раз. На елке.

Девчонка, прыснула в кулак. Потом спросила:

— Что это у вас на шкафу лежит? Гитара?

— Ага, гитара.

— А кто на ней играет?

— Да никто. Это папе подарили, давно еще. Так с тех пор там и валяется.

— Можно посмотреть?

— Смотри.

Я встал на стул, достал гитару, обтер рукавом пыль и протянул девчонке. Она подёргала струны и стала крутить винтики на конце гитары.

— Ты что, играть умеешь? — спросил я.

— Умею немного. Вообще-то я на рояле учусь. В музыкальной школе. Ну и на гитаре немного. Хочешь сыграю?

— Сыграй, — сказал я.

Если по-честному, то мне понравилось, как она пела. Я даже удивился, что мне понравилось. Сколько раз я слышал, как ребята во дворе лупят по гитарам и орут что-то невразумительное. А девчонка эта едва касалась струн, а струны в ответ сами издавали звуки. И пела она совсем тихо, почти шёпотом, но я так отчётливо слышал каждое слово, будто она наклонялась к моему уху.

«Сизый лети голубок. В небо лети голубое...» — пела девчонка, чуть кивая головой в такт музыке. Потом пришла мама.

— О, да у тебя гостя, — сказала она.

— Да нет, — сказал я. — Это не ко мне. Она к тебе пришла.

— Здравствуйте, — сказала девчонка. — Мама просила передать вам выкройки.

— А, так ты Верочка? Как хорошо, что ты к нам пришла. Ну, Дмитрий, как ты тут гостей принимаешь? Ты хоть угостил Верочку чаем? У нас ведь халва есть и торт.

— Да она не просила,— сказал я.

— Видишь, Вера, у него просить нужно. Сам не догадается. Ну-ка, Дмитрий, поставь чайник.

— Спасибо,— сказала Вера.— Мне пора уходить. Мы с мамой будем печь пироги. У меня завтра день рождения.— Она посмотрела в мою сторону и вдруг добавила: — Я тебя приглашаю.

Когда она ушла, мама сказала:

— Если тебе интересно лично моё мнение, то тебе надо обязательно сходить к Верочке на день рождения.

Это всегда так. Когда мама что-нибудь твердо решит, она говорит: «мне кажется, по моему мнению». Но я-то знаю, что всё это значит. А значит это, что никто на свете маму не переубедит. Поэтому лучше не спорить. Бывает, она и сама потом передумает.

— Ну сколько можно возиться со всякими гайками и ржавыми железками,— продолжала говорить мама.

— Если металл корродирует,— сказал я,— его надо подержать в керосине, а потом покрасить свинцовым суриком.

— Правильно. Это ты знаешь. А вот знаешь ты хотя бы, где находится театр оперы и балета?

— Знаю, знаю. На Театральной площади, рядом с бензоколонкой.

Тут мама вдруг рассмеялась. Хотя ничего смешного я вроде бы не сказал. Там действительно бензоколонка есть.

— Ну какой же ты всё-таки у меня балбес, Димка,— сказала мама.— Помню, когда девчонкой была, я каждый свободный вечер то в Капеллу ходила, то в театр. Не потому, что я какая-нибудь особенная. Просто друзья у меня были интересные. А куда тебя может пригласить твой Мишка, кроме как на свалку металлолома. Пойми, Дима, для человека очень много значит среда.

— И четверг,— сказал я.

Но мама на мои слова — ноль внимания. Она продолжала говорить о том, как дружба с интересными людьми прививает культуру, о

том, как наши великие писатели устаривали литературные вторники, а великие музыканты — музыкальные пятницы. Так что мы с ней почти все дни недели перебрали. А я сидел и думал: почему моя мама такая красивая и так скучно говорит. А мама у меня действительно красивая. Нет, не потому совсем, что это моя мама. Знаете, как в песенках для малышей: нет на свете лучше моей мамы. Она самая красивая, самая добрая. Ну и так далее. Совсем не поэтому. Просто бывают ведь в жизни красивые люди. Вот и мама у меня такая. Когда мы с ней по улице в хороший солнечный день идём, я вижу, как на неё прохожие смотрят. И мне приятно.

Вообще я иногда думаю: почему говорят — красивый человек или красивый цветок? Посмотришь — действительно красивый. То есть такой, что всё время на него смотреть хочется, и тебе как-то хорошо делается, легко. А почему? Непонятно. Вот если мы скажем: это растение полезное. Тут всё ясно. Значит, из него или лекарство можно сделать, или в нем нектару много — пчёлы нектар соберут, будет людям мёд. Силос в конце концов может из него хороший получиться. Или мы говорим: сильный человек. Тоже всё понятно. Значит, может подкову согнуть или цепь там руками порвать. А если человек красивый, как объяснишь? Ну, глаза там большие. И что? Чем маленькие хуже?

— А подарок Вере я сама куплю,— говорит в это время мама.— Ты не сумеешь.

Вот видите. Всё уже решено. Так что лучше не спорить.

Ночью мне снилось, что я качусь на велосипеде с японского вулкана Фудзияма. Я отнимаю руки от руля ветер толкает меня в грудь, отрывает от велосипеда, и я лечу. Еще мне снилось, что один великий музыкант пригласил меня и Веру на музыкальный понедельник. Вера играла на электрогитаре и пела на каком-то иностранном языке. А я сту-

чал на барабане. И только про уроки, которые нам задали на завтра, мне не снилось ничего. А зря.

ГЛАВА 2.

ЕСЛИ БЫ Я БЫЛ ФУТБОЛЬНОЙ КОМАНДОЙ

Первую двойку я получил на первом уроке.

— Титов, к доске,— сказала Мария Николаевна нехорошим голосом. Таким голосом в детективных фильмах говорят: «К стенке!»

— Возьми мел, пиши слова.— Она открыла мою тетрадь с диктовкой.— «Пальто. Выражение. Оттоманка...»

Я писал и пули летели мне в спину. Было тихо, и никто даже не пытался подсказывать.

— Достаточно. Теперь отойди и посмотри, что ты написал.

Я отошёл и посмотрел. Бледные корявые буквы грустно ползли в угол доски. Если прищуриться, они походили на следы какой-то мокрой птицы.

— Мел сырой,— сказал я.— Плохо пишет.

— Ты прав,— сказала Мария Николаевна.— Очень плохо. С ошибками даже. Может быть, ты задумал реформу русского языка? Расскажи нам.

Тут бы мне помолчать. Постоять и

помолчать. Тем более, огромная красная двойка уже пылала в моей тетради. Но я бодро сказал:

— Чтобы проверить неударную гласную в корне, надо поставить её под ударение.

— Поставь,— сказала Мария Николаевна.

— Польша. Рожа. Атаман,— выпалил я.

Тут, конечно, смех и общее ликование. В дневнике двойка и приглашение родителей прийти в школу.

— Есть первых два очка,— шепнул Мишка, когда я сел за парту.

Но это было только началом. Вторую двойку я получил на математике. На втором уроке. Тут всё бы-

Потому что, когда Янина Георгиевна объясняет — это целый урок. Иногда вместе с переменной. Ей всегда не хватает времени. Если она рассказывает про какое-нибудь плоскогорье, то заодно мы узнаём третий ледниковый период, про Тунгусский метеорит или про камчатские гейзеры.

Всё шло отлично. Я рисовал на промокашке ворон, Мишка разбирал свою авторучку, а Янина Георгиевна говорила об африканских пигмеях. А когда до конца урока оставалось минут десять, она попросила принести журнал, который она, как всегда, забыла в учительской. Зачем я сунулся?! Наверное потому,

*Пальто
Выражение
Отто Мейка*

ло просто. Наш математик, Сергей Сергеевич, человек дела. Он всегда говорит: «Старайтесь отвечать ясно, коротко и точно». С ним лучше не хитрить и не тянуть резину. Это мы все хорошо усвоили.

— Учил? — спросил он меня.

— Нет.

— Задачу решил?

— Нет.

— А пытался?

— Нет.

— Давай дневник и садись.

Вот это я понимаю! Ясно, коротко и точно.

Когда началась география, я думал, что здесь-то наконец проскочу. Янина Георгиевна сразу сказала, что сегодня большой новый материал и она начнёт с объяснения. «Ура!» — закричал я про себя и сыграл туш.

что я уже ликовал. Я не торопясь сходил за журналом, попил по дороге воды в туалете — и уже собирался сесть на место, как вдруг Янина Георгиевна сказала:

— Постой, Дима. Раз уж ты у доски, давай я тебя, голубчик, спрошу. У нас осталось как раз несколько минуток.

Это был удар — расплата за потерю бдительности. Но я ещё не верил и надеялся выкрутиться.

— Так ведь звонок сейчас, Янина Георгиевна, — сказал я. — Может, в другой раз?

— Ничего, успеем. Ты кратенько, основное. Ты ведь учил? Помнишь, я обещала тебя спросить на прошлом уроке.

Наверняка ещё можно было выкрутиться. Потыкать указкой в карту, помычать. Но я как будто одеревенел. Я стоял и молчал как пень.

— Ну что же ты, голубчик?

Я видел, как мучается Янина Георгиевна, как ей не хочется ставить мне двойку. Но помочь ей я не мог. Прозвенел звонок, и в моем дневнике появилась третья двойка. Это уже становилось интересным. Нет, мне, конечно, и раньше случалось получать двойки. Но вот так, на трёх уроках подряд! Такого ещё не бывало.

— Ты чего это, старик, разошёлся, — сказал Мишка на перемене. — финишный спурт?

— Это судьба, — сказал я.

— Да ты не нервничай, с кем не бывает. Зато теперь всё. Сейчас физкультура. А по физкультуре, сам знаешь, двоек не ставят.

Мишка был прав. Получить двойку по физкультуре трудно. Потому что Игорь Иванович их просто не ставит. Даже Сашке Веселову, который не может подтянуться на перекладине и одного раза, он никогда не ставил двойку. Единственное, чего не выносит Игорь Иванович, — это когда забывают физкультурную форму. Тут уж будь хоть мастер спорта, хоть чемпион Олимпийских игр, он тебе два очка зарисует. Он и урок всегда с вопроса начинает: «Кто забыл форму?»

И вот, когда наш класс пришёл в физкультурный зал, случилось невероятное. Случилось то, чего я себе до сих пор объяснить не могу.

— Кто сегодня забыл форму? — спросил Игорь Иванович.

Тут во мне будто рычажок какой соскочил. Я шагнул вперёд и сказал: — Я забыл.

А в это время моя форма, завёрнутая в телепрограммку, преспокойно лежала в портфеле. И я это отлично знал!

— Как это тебя угораздило форму забыть? — сказал Мишка, когда мы шли из школы.

— А я и не забывал, — сказал я.

— Как не забывал?

— Вот так. — Я открыл портфель и показал Мишке форму.

— Ну ты даешь, — Мишка даже растерялся. — Чего же ты тогда... А вообще правильно. Так им и надо!

И хотя я не понял, кому «им», был ему благодарен.

— А представляешь, — продолжал Мишка, — если б ты был футбольной командой. Восемь очков из восьми возможных. Да ещё на полях противников. Отличный результат!

Мы помолчали. Потом Мишка сказал:

— А вообще не расстраивайся. Мелочи жизни. Значит, так. Сейчас идём ко мне. Надо сегодня обязательно решить, как мы будем соединять трубки каркаса. И с парусом надо что-то делать.

— Нет, Мишка, сегодня не могу,— сказал я.— Я на день рождения иду.

— Это ещё к кому?

— Да так. К родственнице одной. Но я недолго. Посижу немного, сорвусь и — сразу к тебе. Ты жди.

Глава 3.

НАДЕНЬ СВОЮ ШАЛЬ И КАПОТ

К счастью, маме было не до моих очков на полях противников. Она с ходу начала готовить меня к визиту.

— Вымой голову и шею, подстриги ногти, вычисти башмаки, надень новые брюки,— обрушились на меня приказания. Мама уже не говорила: «Мне думается, Дмитрий, тебе неплохо бы вымыть голову». Сопротивление было бессмысленным. Единственное, что я отстоял — не дал облить себя одеколоном.

— Вот подарок. Я купила «Рассказы о Русском музее». А посмотри, какие замечательные астры. Ну, иди, сынок, не опаздывай. Точность — вежливость королей.

Учиться вежливости у королей и приходить вовремя я, конечно, не собирался. А то, чего доброго, придёшь первым и будешь сидеть как дурак. Ещё меня смущали цветы. Книгу подарить можно, но преподносить цветы мне почему-то не хотелось. Сначала я решил их просто выбросить. Но потом пожалел. Астры и вправду были красивые. Я стоял посреди двора и не знал, что с ними делать. Тут я увидел нашу дворничиху Полину Васильевну. Возвращаясь из магазина, она несла в большой сетке несколько кочанов капусты. Вопрос был решён. Я подбежал к ней и сунул цветы в сетку.

— Это вам, Полина Васильевна.

— Ой, да что ты, Дима,— удивилась она.— Или праздник сегодня какой? Восьмое марта вроде не скоро.

— Разве вы не знаете? — сказал я.— Сегодня большой праздник. Сто лет лошади Пржевальского.

— Господи, а я-то здесь при чём?

Но я уже бежал со двора. Под аркой я обернулся. Полина Васильевна поставила сетку на землю, вынула из неё астры, как-то робко оглядевшись, прижала их к груди. А я подумал, что зря я про какую-то лошадь наплёл.

* * *

Вера открыла мне дверь и сказала:

— Молодец. Хорошо, что ты пришёл.

В прихожей стояли ещё две девчонки, одетые в одинаковые платья. Сразу было видно, что они близнецы.

— Меня зовут Кира,— сказала одна из них.

— А меня Ира,— сказала другая.— Правда, мы похожи? Нас даже папа иногда путает. Вот смотри.

Они взялись за руки и закружились по коридору.

— Отгадай теперь, где Кира, а где Ира,— сказала одна из них.

Неужели за всю жизнь им не надоели эти фокусы? И вообще, разве уж так приятно быть похожим на кого-то как две капли воды? Да еще нарочно одинаковую одежду носить.

— Каждая из вас Кира-Ира,— сказал я.

Из комнаты вышел Верин папа.

— Наконец-то вижу в доме мужчину. Дмитрий, если не ошибаюсь. Это хорошо. Просто замечательно. А я Николай Андреевич. Ну, кворум есть, можно начинать. Давай, дочь, команду. Раз мама уехала — ты хозяйка. А мне нужно разговор с Семипалатинском заказать. — И он начал крутить диск телефона.

Мы вошли в комнату.

— Вера, а мы тебе музыкальный подарок приготовили,— сказала Кира-Ира.— «Спящую красавицу» в четыре руки.

Они сели к пианино и действительно заиграли сразу четырьмя руками.

«Интересно,— подумал я,— они и чай из одной чашки будут пить?»

Вдруг из коридора, чуть не заглушая пианино, загремел голос Вериного папы:

— Девушка, я говорю: Се-ми-палатинск! Семь палат, понимаете? Что? Ну, семь комнат! Большого метража! Ах ты, ёлки зелёные! Колбасу такую знаете — семипалатинскую? Ну вот, колбасу знает...

Наконец он заказал разговор и вошёл в комнату.

— Извините, ребята. Я так кричал. Чёрт знает, что такое. Ленинградские телефонистки меня не слышат. Как же я буду с Семипалатинском разговаривать? Девочки, можно сначала. Я так люблю эту вещь.

Кира-Ира заиграли сначала. Но тут раздалась частые телефонные звонки. Николай Андреевич вскочил и кинулся в коридор.

— Погодите, девочки, не играйте,— крикнул он на ходу и, схватив

трубку, закричал: — Старшего инженера Свистунова! Да, да, знаю что у вас два Свистунова. Мне старшего. Что? Оба теперь старшие? Мне Тимофея Фёдоровича. Как в Ленинграде? Он же должен в декабре... А, чёрт, развели!

Николай Андреевич заглянул в комнату.

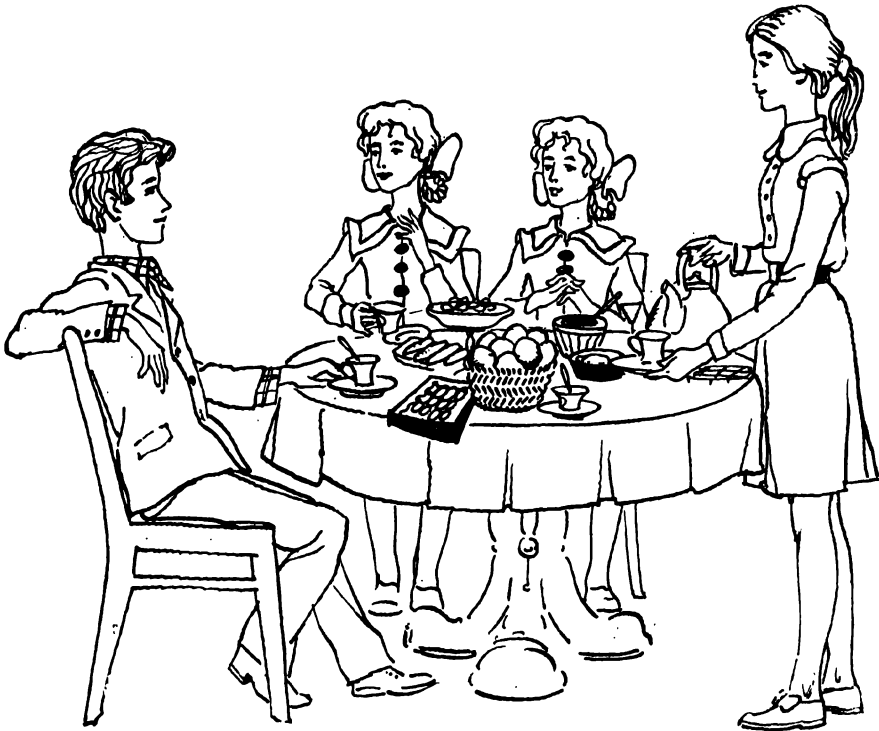
— Простите, друзья. Я должен бежать. Оказывается, Свистунов уже на заводе. А он мне позарез нужен. — И Николай Андреевич исчез.

— Ну вот, опять, что ли, сначала играть? — спросили Кира-Ира, уже притомившиеся у пианино.

— Давайте за стол,— сказала Вера. — А то чайник остынет.

Вкуснятины всякой на столе была масса. Тут и «Наполеон», и пирожные, и кексы всякие. Но я сидел и думал, как бы поскорей смыться.

— А ты в обыкновенной школе учишься? — спросили Кира-Ира, ловко улетаая «корзиночки».

Никогда я раньше ни перед кем не хвастался своей школой. Да и чего хвастаться. Школа как школа. Везде, наверно, такие. Но тут мне вдруг почему-то стало обидно за свою школу.

— Почему это в обыкновенной? — сказал я.

— А в какой? В английской?

— Нет, — сказал я. — В поэтической.

— В поэтической? Да ведь таких школ не бывает!

— Здравьте! Я учусь в ней, а они — не бывает.

— Ой, как здорово! — захопали в ладоши Кира-Ира. — Расскажи, чего вы там делаете.

— Не чего, а что? — сказал я. — Стихи пишем. Поэмы. Некоторые предметы прямо так в стихах и идут. Литература, конечно. История. У нас даже оценки по-другому ставят. Знаете, как в футболе: два очка, ноль очков. Вот сегодня, например, я на четырёх уроках восемь очков получил. Высшее достижение.

— Вы что же всё время стихи пишете? Или у вас и упражнения какие-нибудь бывают. Ну как в музыке гаммы.

— Бывают и упражнения. Рифмы составляем. Ну так, чижик-пыжик, галка-палка, штучки-дрючки. Кстати, Кира-Ира, у вас закурить не найдётся? — сказал я, развалясь.

— Мы не курим, — ответили близнецы и захопали глазами.

— Жаль, — сказал я. — А то я трубку свою забыл.

— Может, ты нам прочтёшь какое-нибудь своё стихотворение? — сказала Вера.

Вот это уже было лишним. Со стихами у меня туго. В голове вертелось только: «Зима!.. Крестьянин торжествуя...» Но это, сами понимаете, каждый знает.

— Ой, пожалуйста, прочти! Хоть маленькое, — закричали Кира-Ира.

Я был припёрт к стенке. Надо было что-то читать. И тут я вспомнил строчки какого-то стихотворения, которые папа не то в шутку, не то всерьёз частенько повторяет, когда мы все втроем идём гулять.

— Ладно, — сказал я. — Вот вче-

ра написал. Правда не закончил ещё.

И я стал читать:

*Какая холодная осень,
Надень свою шаль и капот.
Смотри: меж чернеющих сосен
Багровый пожар восстаёт.*

— Как интересно! — закричали близнецы.

— А что такое капот? — спросила Вера.

— Ну, куртка такая, — сказал я. — Типа нейлоновой.

— А почему там пожар багровый? — спросили Кира-Ира.

— Так ведь лес горит, — сказал я. — Осень хоть и холодная, но сухая. Вот он и горит.

— Значит, они пожар идут тушить?

— Ясное дело, — сказал я. — А вообще мне пора. Поэму надо закончить.

В коридоре Вера вдруг сказала:

— Я тебя провожу немного.

Мне этого совсем не хотелось. Начнёт еще спрашивать, зачем я тут паясничал.

— Не надо меня провожать. Что я, барышня? И гости у тебя сидят.

— Ничего, подождут.

На улице она ни о чём не спрашивала. Просто шла рядом и молчала. И я вдруг взял и рассказал ей и про четыре двойки, и про физкультурную форму, и даже про то, что видел её во сне на музыкальном понедельнике у великого седого музыканта. Только про цветы, которые я Полине Васильевне отдал, я не сказал ничего.

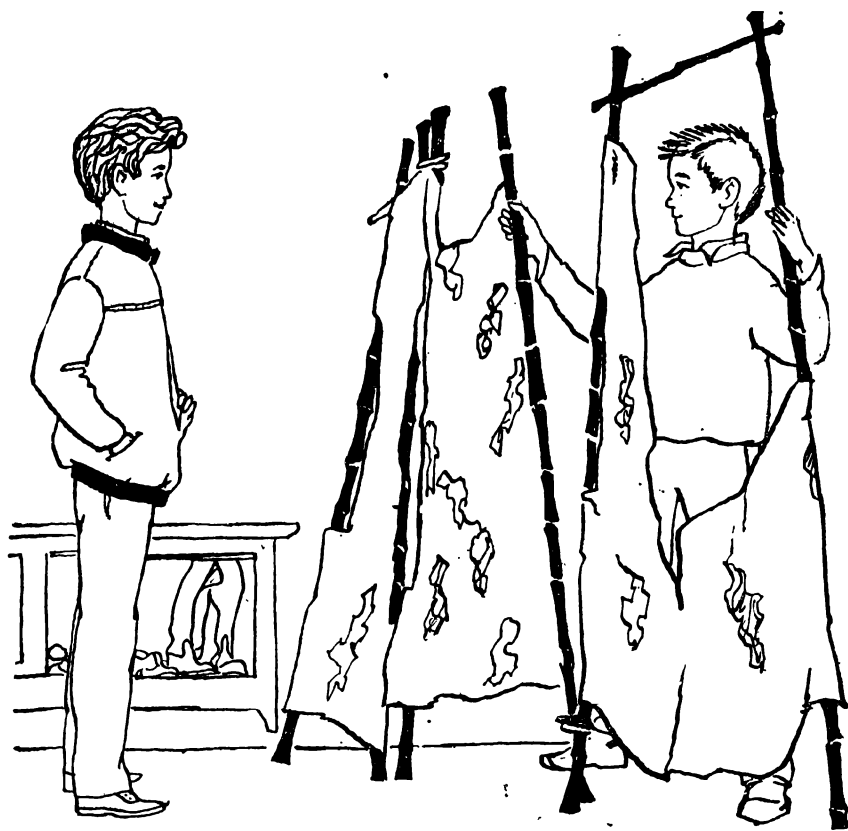
Глава 4.

НУЖНЫ ПЛАЩИ БОЛОНЬЯ

— Есть новости, — сказал Мишка, открыв мне дверь. —гляди, что я на свалке нашёл.

Посреди коридора стояла грязная кривобокая ширма с дырявой шелковой тканью. За такие ширмы, только целые, конечно, прячутся в фильмах влюблённые или шпионы.

— Всё понятно, — сказал я. — Мой юный друг решил вместо дельта-плана лететь на этом вторсырье.

Заплатки он поставит из вчерашних газет. Могу предложить бабушкин зонтик. Он, по крайней мере, без дыр.

— Всё сказал? Тогда смотри и слушай. Видишь эти бамбуковые палки. Мы пйлим их пополам, вставляем в трубку так, чтобы часть палки торчала, и на этот конец надеваем другую трубку. Вот тебе и крепление! Никакой сварки, никаких заклёпок. Причём всё разбирается за пять секунд. Усёк?

Хорошо Мишка придумал, ничего не скажешь. Сначала мы долго не могли найти лёгкие трубки. Потом меня осенило: надо достать старые раскладушки, у которых каркас сделан из алюминиевых трубок. Мы долго искали эти самые раскладушки, ходили по дворам, выпрашивали у родственников и знакомых и наконец набрали несколько штук. А теперь Мишка просто и гениально придумал, как соединить трубки.

— Молодчина, Мишка! — сказал я. — На Нобелевскую ты не потянешь, но значок «Юный техник» я тебе подарю. Как бы теперь соединить углы треугольника? Эх, скорей бы брат письмо присылал.

— Ничего, что-нибудь придумаем. Слушай, я сейчас, до твоего прихода, по телевизору такую штуку видел! Один швейцарский спортсмен на дельта-плане два с половиной часа летал!

— Два с половиной! Не может быть!

— Честно. Сначала он на воздушном шаре поднялся, а с него на дельта-плане... Ух, красотища!..

— Здрóрово! На нашем хоть бы минутку пролететь.

— Да вот ещё, — Мишка хлопнул себя по лбу. — Самое главное забыл. Нам нужны плащи из ткани «болонья». Из них мы и будем парус делать. Полиэтиленовая плёнка не годится. Она тяжёлая и вообще

не подходит. А я тут в одном журнале прочитал, что лучше всего — это «болонья». Лёгкая, плотная. Ну то, что надо. Один плащ я уже достал. У бабушки выпросил. Всё равно она его не носит. Но я думаю нам плащей пятнадцать потребуется. Выкраивать придётся.

— Ого,— сказал я.— А сколько один такой плащ стоит?

— Нечего и считать. Нам столько денег не набрать. Есть только один выход: надо эти плащи собирать: Ну, как мы макулатуру собираем или металлолом.

— Ты что? Кто это нам плащи отдаст?

— А почему нет? Во-первых, они уже немодные. А во-вторых, у многих они сносились и валяются просто как хлам в старых вещах. Надо попробовать. Чего мы теряем?

...В первой квартире дверь нам открыла старушка в ситцевом платке.

— Здравствуйте,— вежливо сказал Мишка.— У вас случайно нет старых плащей «болонья»?

Старушка склонила голову и как-то боком посмотрела на нас.

— Плащи «болонья»!— сказал я громко, подумав, что старушка плохо слышит. Но она продолжала молчать. Наверно, она не понимала, чего мы хотим.

— Макинтош!— вдруг выкрикнул Мишка и подёргал себя за воротник куртки. Но и это не подействовало.

Тогда я сказал:

— Извините, бабушка, а из взрослых в квартире кто-нибудь есть?

Щёлкнул замок, и старушка забренчала цепочками.

— Осечка,— сказал я.

— Ты думал, просто?— сказал Мишка.— Макулатуру-то не везде дают. А тут плащи.

В следующей квартире дверь открыл мужчина с большими висячими усами. Мы ещё и спросить ничего не успели, как он сказал:

— Пусто, молодёжь, пусто. Ни одной газетки. Всё на «Графа Монте-Кристо» ушло.

— Да нам не макулатуру,— сказал Мишка.

— Нет ли у вас ненужных плащей «болонья»?— спросил я.

Мужчина дёрнул себя за усы и протянул:

— Ори-ги-нально. Зина, иди-ка сюда!— Из комнаты вышла женщина в пёстром халате.— Ты слышишь, что теперь собирают пионеры. Они собирают плащи «болонья». Как тебе это нравится?

— Господи!— всплеснула руками женщина.— Скоро они дублёнки собирать начнут.

— Может быть, очень может быть,— сказал мужчина и даже повеселел от этой мысли.— А что, правда, мужики, почему бы вам не заняться дублёнками или хрусталём. Персидские ковры тоже неплохо. Вы подумайте, молодёжь. Потом приходите. А мы тут вам всё подготовим, в чемоданчики уложим, хе-хе...

Мужчина вконец развеселился и даже усы у него от удовольствия вверх поползли. Мы повернулись и ушли.

— Ну и клоун!— сказал Мишка.

— Жмот он просто,— сказал я.— Такой трамвайный билет не даст. Поташит на талоны менять. Ладно. Идём дальше.

В квартире под номером пять долго не открывали. Мы уже хотели уходить, но тут дверь распахнулась и на пороге появился опрятный старичок.

— Чем обязан?— приветливо спросил он.

Я решил начать издали.

— Видите ли,— сказал я,— у нас не совсем обычная просьба. Не найдётся ли у вас в доме старого, совсем ненужного плаща из ткани «болонья»?

— Плаща «болонья»?— переспросил старичок.

— Да,— сказал Мишка.— От дождя, знаете, такие делают. Вроде нейлонового. Может, у вас какой драный или дырявый есть. Нам всё равно.

— А позвольте полюбопытствовать, для какой цели?

— Для химической промышленности,— сказал я.— Потом из них

сделают всякие полезные вещи. Щётки там, пуговицы, сумки. А может, и подмётки для ботинок. Таким подмёткам дысу не будет.

— Ох, уж эта химия, химия,— закричал старичок.— Всё-то теперь искусственное, всё. У дочки с зятем в комодё ёлка лежит. Синтетическая. Они её под Новый год достанут, одёколоном «Лесным» обольют и — довольны. Не надо, говорят, каждый раз бегать, покупать. Зачем же, спрашивается, тогда все эти ёлочки, берёзки да цветочки? Купил цветы из картона, поставил в вазу — и они сто лет там простоят! Я тут в одном журнале прочитал, что и продукты уж синтетические изготавливают. Берут нефть и делают из неё ни много ни мало чёрную икру. Вы подумайте: икра — деликатес! — и вдруг из нефти. Нет уж, увольте. Я такую икру есть не буду. Что хотите со мной делайте, а не буду!

И он так упрямо замотал головой, будто мы с Мишкой заставляли его есть икру из нефти.

— Вот вы пройдите сюда, молодые люди, пройдите,— засуетился вдруг старичок, приглашая нас в квартиру.

Мы вошли. Старичок открыл стенной шкаф и достал оттуда длинное светло-серое пальто из тонкой материи.

— Видите этот габардиновый пыльник? Я купил его в одна тыща девятьсот сорок девятом году. Посмотрите, он как новый. Сейчас таких не делают. Чистейшая шерсть.

Потом говорливый старичок пригласил нас на кухню и угостил мёдом, который он собрал на своей пасеке.

— Вы чувствуете, какой аромат, какой букет! А теперь скажите, только честно: можно такой мёд сделать из нефти или из керосина?

Мёд и вправду был очень вкусный. Мы с Мишкой вычистили стаканы, облили ложки и, чтобы успокоить старичка, сказали, что такой мёд из керосина сделать нельзя.

Старичок проводил нас до двери и, сказав ещё раз, что икру из нефти он есть не будет, распрощался с нами.

— Хороший старичок,— сказал я, когда мы вышли на площадку,— и мёд у него что надо. Но где пятнадцать плащей из ткани «болонья»? Я вот что думаю. Надо не хитрить, а объяснить людям, зачем нам эти плащи. Когда люди поймут, они помогут. Давай в последний раз попробуем.

Начинали мы с верхних этажей. Теперь спустились вниз и позвонили в квартиру под номером один. Дверь открыл высокий мужчина с перебинтованной головой. Я уж приготовил длинную речь о том, что мы с Мишкой хотим сделать дельта-план. Что дельта-план — это такое стреловидное крыло, похожее на греческую букву «дельта» и что на нём, разбежавшись с горы, можно лететь без всякого мотора, почти как птица. Я уже рот открыл, чтобы всё это произнести, но мужчина, взглянув на нас, вдруг исчез. Через секунду он вернулся, неся в руке какую-то бронзовую фигуру.

— Вот, возьмите. Пока жены нет. Я не могу её видеть. Нет, не жену, а эту чугунную женщину. Она на меня упала. Со шкафа. Возьмите. Вы получите первое место. Посмотрите, какая она тяжёлая.

При этих словах мужчина скрикнул и, сунув мне в руки фигуру, закрыл дверь. Мы принялись рассматривать трофей. Это была бронзовая женщина на массивной цилиндрической подставке. Женщина, наклонившись всем телом вперёд, стояла на одной ноге. То есть нет, она, конечно, не стояла, а бежала или даже хотела взлететь. Правая рука у неё была вытянута вперёд и в ней она держала какой-то предмет. Левая была отбита.

— Гляди, Мишка,— сказал я.— Когда в руках держишь — тяжёлая, а смотришь, совсем лёгкой кажется. Здорово, правда?

— Правда,— сказал Мишка.— Интересно, кто это?

— Терпсихора какая-нибудь. Или Венера. Старинная, наверно, вещь. А вот, Мишка, ты знаешь, какие глаза считаются красивыми?

— Зелёные,— ответил Мишка.

— Почему обязательно зелёные? А чем голубые или серые хуже?

— Ну тогда не знаю.

— А вот я читал в одной книжке, что красивые глаза — это когда между ними еще один глаз помещается.

— Ты что, спятил. Где это ты людей с тремя глазами видел?!

— Да ты не понял. Два глаза-то. Но чтоб расстояние между ними такое было, что ровно ещё один глаз помещается. Понимаешь?

— Ах, вон как. Интересно.

Мишка померил пальцами свой глаз и, не меняя расстояния, приставил их к переносице.

— Гляди, вроде одинаковое! Выходит я красивый?

Я оглядел Мишку.

— Ничего. Тощий только. И уши вот малость торчат.

— Уши? — переспросил Мишка и вдруг, хлопнув себя по лбу, закричал: — Ура! Придумал. Углы каркаса мы соединим резиновыми трубками, а трубки закрепим хомутиками. Вó будет держаться!

Мишка подобрал камешек и стал рисовать на асфальте раму дельта-плана.

— Ну ты сегодня что-то разошелся,— сказал я.— Кулибин, честное слово. А чего это ты вдруг вспомнил ни с того ни с сего?

— А не знаю. Ты сказал «уши», а я почему-то про хомутики подумал.

— Вó дает! А если я скажу «шея», ты, может, ещё чего придумаешь.

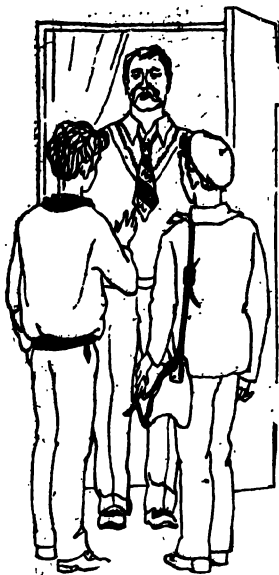
— Не, всё. Пошли по домам, а то по шеям получим. Поздно уже.

— Мишка, я возьму эту статую себе. Ты не против?

— Бери,— сказал Мишка.

Рис. П. Вискова

(Продолжение следует)

Николас ГИЛЬЕН

Песня для детей Антильских островов

*По Антильскому морю,
по синему
зеркалу
вод,
мчится кораблик,
кораблик,
мчится вперед.
Из Гаваны к Ямайке,
издалека —
далеко,
мчится бумажный кораблик,
мчится легко.
Остров,
остров,
и остров, —
сколько вокруг островов!
Мчится кораблик
без мачты
и парусов.
Из сахарной пушки
сахарный
летит, разрываясь, снаряд,
и шоколадные пушки
громко палят.
Кораблик чёрный и белый,
на синем
зеркале
вод.
Мчится кораблик,
кораблик,
мчится вперед!*

Перевёл с испанского В. АНДРЕЕВ

Рис. К. Дмитрикова

ДАВАЙТЕ ЗНАКОМИТЬСЯ

Виктору Андрееву 30 лет. Он окончил филологический факультет Ленинградского университета, затем сам преподавал в институте, в Гвинейской Республике. Сейчас он литературный сотрудник газеты «Скореходовский рабочий».

В «Искорке» Виктор Андреев печатается не впервые. Сегодня вы познакомились с его переводами двух стихотворений выдающегося кубинского поэта Николаса Гильена.

КУБА ДАЛЕКО —

Татьяна ЗАЗОРИНА

Не так давно мы получили письмо. Вот его содержание.

«Дорогая редакция!

Однажды на берегу Финского залива я нашёл бутылку. В ней было письмо. Испанского языка я не знаю, но всё же понял, что написали его в июле 1962 года четыре кубинские девушки — делегаты VIII Всемирного фестиваля молодёжи и студентов, которые направлялись на форум в Хельсинки. Очень хотелось бы знать, как сложилась жизнь Мирты, Наташи, Терезы и Минервы, тем более, что в письме они дают свои адреса. Прошло ведь уже шестнадцать лет с того самого дня, когда они отправились на VIII фестиваль и, как знать, может быть, на XI Всемирном, в родной Гаване, они были уже со своими детьми, пионерами».

Это письмо прислал ленинградец, военнослужащий В. Ласов. И ещё в конверте лежал пожелтевший, сложенный вчетверо, тетрадный листок в линейку, исписанный чётким почерком. Чернила чуть размылись и полиняли. Письмо — на испанском языке. А вот его русский перевод:

«20 июля, 1962 год. 1 час, 30 минут. С теплохода «Грузия» мы посылаем братский привет от имени кубинских делегатов VIII Всемирного фестиваля молодёжи и студентов в Хельсинки. Вы с любопытством найдёте в голубых волнах эту бутылку и в ней — письмо от четырёх подружек, студенток, которые в Хельсинки будут бороться за мир, дружбу и освобождение всех эксплуатируемых народов, за наш идеал — построение социалистической системы. Единственной, которая освободит людей от войн, бед и лишений и навсегда покончит с эксплуатацией человека человеком.

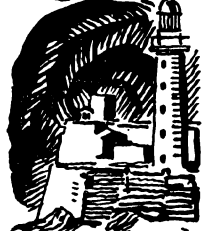
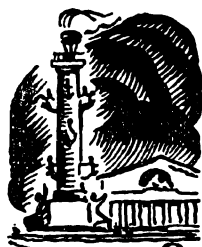
Родина или смерть! Мы победим! За мир, социализм и коммунизм!

Мирта, Наташа, Тереза, Минерва».

* * *

...Было это шестнадцать лет назад... Четыре кубинские студентки спешили на фестиваль в Хельсинки. Они были счастливы и молоды. Молода была и их революция. Ей — всего три года.

Шёл 1962 год. Кубинцы назвали его годом независимости. В феврале народ Кубы принял Вторую Гаванскую Декларацию. В ней он разоблачал политику американского империализма, политику тяжёлого угнетения и жестокого насилия и призывал народы Латинской Америки к национально-освободительной борьбе. Декларация заканчивалась словами:

КУБА БЛИЗКО

«Родина или смерть! Мы победим!» Вот как эти слова пишутся по-испански: «¡ patria o muerte! ¡vencemos!»

Вы видите эти восклицательные знаки. Они как обнажённые клинки, готовые к бою.

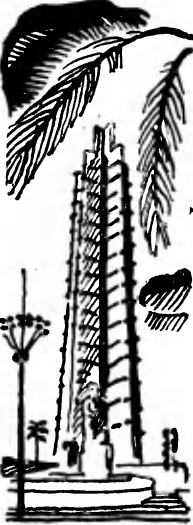
...1962 год был годом Карибского кризиса. «Бешеные» круги Соединённых Штатов Америки поставили мир на грань термоядерной войны. Объявив морскую блокаду, они подготовили большое количество войск для вторжения на территорию острова Свободы. Кризис мог бы привести к войне, но Советское правительство осудило агрессивные действия США и призвало народы мира преградить путь войне. И войны не было!

...1962 год был счастливым. Тогда была принята университетская реформа. Широко распахнулись для бедных и простых людей Кубы двери высших учебных заведений. Куба растила своих врачей и учителей, инженеров и агрономов. И кубинские девушки Мирта, Наташа, Тереза и Минерва были одними из первых, кто сел на студенческие скамьи народных кубинских вузов. Куба боролась с неграмотностью. И думается, что эти четыре кубинские студентки тоже были бойцами армии борьбы с безграмотностью. Это было дело молодых. На погонах у них был значок с горящим фонариком — символом ликвидации неграмотности. Они решили — на Кубе не должно быть неграмотных! Бригадисты — так называли тех, кто отправлялся в деревни обучать неграмотных. Днём они работали на полях, а вечером учили крестьян. И на домах вывешивались полотнища: «В этом доме нет ни одного неграмотного».

19 апреля кубинцы ежегодно отмечают как праздник победы у Плая-Хирон. Здесь в 1961 году бойцы повстанческой армии остановили наступление контрреволюционеров. А в 1962 году здесь произошла совсем необычная «интервенция». На берег высадились молодые кубинцы, вооружённые книгами и учебниками. Это был праздник просвещения. И большинство участников были девушки. Возможно, среди них были и наши знакомые кубинские студентки. Вот как об этом писал советский поэт Евгений Евтушенко:

*В их подсумках тетради,
Чернила — революции боеприпасы!
...Самолёты книгами, азбуками
Землю Кубы бомбардируют...
...О кубинская революция!
Ты весёлый и щедрый художник.
Всё, что кистью твоей рисуется, —
Молодёжно, смело, надёжно!*

А борьба была ещё впереди. За мир и свободу, за хлеб и за сталь, за свет знаний. Революция росла и крепла.

Сегодня кубинской революции — уже двадцать лет. И нам очень приятно было получить весточку от кубинских студенток через далёкие годы и длинные километры. Она пришла к нам, в город Великой Октябрьской социалистической революции, где на вечном приколе стоит крейсер «Аврора». У кубинцев есть своя легендарная шхуна «Гранма», они называют её младшей сестрой нашей «Авроры». И в музее «Авроры» хранится макет «Гранмы». Посмотрите на него в музее — на вас словно повеет солёным южным ветром кубинской революции. И, может быть, вы представите себе революционную Гавану. Её кубинцы и советские люди сравнивают с Петроградом. Вот как пишет Евгений Евтушенко о первых шагах кубинской революции:

*По улицам, где зноем дышат пальмы,
С оружием в зелёных куртках парни
Вдоль снов Гаваны бережно идут.
И те шаги звучат в душе моей,
Как некогда (о, время не преграда!)
Шаги красногвардейских патрулей
На улицах ночного Петрограда...*

Вот из каких далёких и прекрасных дней пришло к нам это письмо по морским волнам. В записке девушки просили ответить им. Давайте сделаем это вместе с вами! Напишем письмо и пошлём его самым быстрым самолётом. А напишем так:

«Дорогие Мирта, Наташа, Тереза, Минерва!

Молодые и совсем юные ленинградцы прочитали ваше письмо и посылают вам ответ. Во-первых, мы хотим от всей души поздравить вас и всех кубинцев с самым большим и радостным праздником — двадцатилетием кубинской революции. И советские люди будут отмечать этот праздник вместе с вами. Мы читали в книгах и газетах об успехах вашей родины. О новых заводах и фабриках, школах и больницах, которые строятся на Кубе. Мы все смотрели по телевизору яркие и запоминающиеся фестивальные встречи в Гаване. Куба принимала гостей со всей планеты. Мы знаем очень многое о радостной и светлой судьбе Кубы, вашей страны. Но нам очень бы хотелось узнать, как сложилась ваша дальнейшая судьба, кем стали вы, где работаете. Может быть, вы бывали и в нашей стране и во многих других странах мира и на других фестивалях, где вы тоже боролись за мир, дружбу и солидарность. Напишите нам, пожалуйста. Мы очень будем ждать вашего ответа». А подпишемся мы так: Ленинградцы, юные пионеры и октябрюта, читатели «Искорки». Попросим переводчика перевести письмо на испанский язык, запечатаем международный конверт. И будем ждать ответа.

Рис. Н. Нефёдова

ДАВАЙТЕ ЗНАКОМИТЬСЯ

Татьяна Зазорина — журналист, ей 29 лет, и более пяти лет работает она корреспондентом в отделе пропаганды ленинградской молодёжной газеты «Смена». В журнале «Искорка» Татьяна Зазорина печатается во второй раз.

Знакомьтесь: бригада с Кировского

Очень часто мы в жизни знакомимся. Подаём друг другу руку, называем имена, рассказываем, кем и где работаем — на заводе, может, в школе или в институте учимся. О спортивных своих успехах можем поговорить и о всяких других делах.

А приходилось ли вам знакомиться с целой бригадой? Нет? А что если попробовать?

Итак, представьте, что вам протягивают для рукопожатия сразу двадцать рук. Рабочих рук. Двадцать молодых ребят.

Это комсомольско-молодёжная бригада Фёдора Кузькова. Работает она в тракторосборочном цехе знаменитого Кировского завода. На конвейере. Называют его на заводе головным, потому что медленно проплывают по нему почти уже готовые красавцы — могучие тракторы «Кировцы». Когда плывут тракторы через бригаду Фёдора Кузькова, нет в них ещё топливных баков и пневмосистемы. Их установкой бригада и занята. Рабочий процесс разделён на множество операций — один член бригады прикрепляет баки, другой занимается подборкой кронштейнов и баллонов... И от каждой такой маленькой операции зависит успех общего дела.

Вон, глядите, пошёл трактор по конвейеру дальше. Рабочие из других бригад наденут на него колёса, облицуют двигатель, «накормят» смазкой и горючим, и сойдёт он с головного конвейера — чистенький, сверкающий, нетерпеливый — скорее в поле.

Бригада Фёдора Кузькова работает на «отлично» и называется «Коллектив высокой эффективности и качества труда». А это значит — работает она быстро, слаженно, без ошибок. Недаром дали бригаде личное клеймо ОТК. Её работу не проверяет контролёр. На заводе все знают — комсомольско-молодёжная бригада Фёдора Кузькова работает без брака.

Сейчас на обычном календаре — зима. А вот на рабочем календаре бригады уже весна. Они работают, далеко опережая производственный график, обгоняя время. И об этом отлично знают в цехе, в объединении, во всём Ленинграде. Знают об этом и в... Гаване.

А случилось это так. Член бригады слесарь-сборщик Виктор Носов (очень известный человек — он был делегатом XVIII съезда ВЛКСМ, член ЦК ВЛКСМ) поехал на XI Всемирный фестиваль молодёжи и студентов в Гаване. И вот в далёкую жаркую Гавану летит ленинградцам телеграмма от молодых кировцев. А в телеграмме сказано, что бригада, в которой работает Виктор, выполнила план трёх лет пятилетки. А было это в августе!

В Гаване, в клубе советской делегации, встречалась молодёжь городов-побратимов СССР и Кубы. Выступал Виктор Носов. Он рассказывал, как интересуются ленинградцы жизнью своих товарищей из города-побратима, из Сантьяго-де-Куба. Комсомольцы многих ленинградских предприятий шефствуют над заказами для Кубы. Молодёжь Торгового порта шефствовала над отправкой фестивальных грузов. Дружат комсомольцы Балтийского морского пароходства и кубинские студенты, обучающиеся в Ленинград-

ском кораблестроительном институте. Виктор передал кубинцам подарок — детские рисунки и игрушки, сделанные нашими пионерами. «Город Тани Савичевой, — сказал Виктор, — дарит своему далёкому брату самое главное — мечту о мире».

Давайте познакомимся и с другими членами бригады.

Фёдор Кузьков — бригадир, молодой коммунист, член цехового комсомольского бюро, заместитель секретаря по производству. Ему до всего есть дело. Не случайно он постоянный участник рейда группы «Народного контроля». Интересуется он и успехами в учебе члена бригады Валерия Денисова, студента Северо-Западного политехнического института. Ну а когда на футбольное поле выходят члены бригады братья Петровы — «болеть» за них приходит вся бригада во главе с бригадиром Фёдором Кузьковым.

Общими стали и семейные дела бригады. Справлял Виталий Петров свадьбу — на почетных местах товарищи по бригаде. А когда у Фёдора Тимошина родилась дочка, молодого папу поздравляли, конечно же, всей бригадой.

Как видите, члены бригады обзаводятся семьями. И это радость для всех. Но не менее приятно, что иногда семьями они и работают. Вот так: сначала в бригаду пришёл Виталий Петров, а потом, после армии, стал членом коллектива и его брат Володя, который слушался рассказов Виталия о том, как дружно работает и весело отдыхает эта комсомольско-молодёжная бригада.

А недавно был в бригаде ещё один большой праздник — ей была присуждена премия Ленинградской комсомольской организации. Все горячо поздравляли дружную комсомольско-молодёжную бригаду.

И мы присоединяемся к этим поздравлениям.

Татьяна ЗАЗОРИНА
Фото П. Маркина

ДАВАЙТЕ ЗНАКОМИТЬСЯ!

Марине Тахистовой 25 лет. Недавно Марина окончила Институт культуры имени Н. К. Крупской и сейчас работает библиотекарем в отделе научно-технической информации.

Стихи для детей Марина Тахистова стала писать недавно. Это первая её публикация в «Искорке».

Марина Тахистова — участник XV конференции молодых писателей Северо-Запада.

Марина ТАХИСТОВА

Свитерок

Бабушка на спицах
 вяжет свитерок:
 Не опасен будет
 ветер-ветерок!
 Рано утром с дедом
 в зимний лес пойдём,
 Мне о нём расскажет
 дедушка Артём.
 Я увижу первым,
 как проснётся лес,
 Полный добрых сказок
 и больших чудес...
 Загигают спицы,
 угасает день,
 На стене вздыхает
 бабушкина тень!
 Кашляет за стенкой
 дедушка Артём,
 Никуда мы с дедом,
 видно, не пойдём.

За окошком змится
 ветер-ветерок...
 Подарю я деду
 новый свитерок!

Хорошо

Хорошо, чтоб дома ждали,
 На звонок спешили к двери,
 Открывали, целовали,
 Согревали руки, верно?
 Хорошо, чтобы за чаем
 С пирогами и вареньем
 Отодвинулись печали
 Разговором добрым, верно?
 Хорошо, чтобы на свете
 Пахло снегом, солнцем,
 вербой,
 Чтобы в школе знали дети,
 Что войны не будет, верно?
 Хорошо, чтоб нас любили,

Как подснежник любят
 первый,
 И тогда, тогда любые
 Нам не страшны беды,
 верно?!

Рис. Л. Московского

ДАВАЙТЕ ЗНАКОМИТЬСЯ

Александр Лисняку 27 лет. Он окончил медицинское училище, служил в армии, несколько лет работал на «Скорой помощи».

А. Лисняк пишет сказки, рассказы, стихи, пьесы. В издательстве «Детская литература» вышли две небольшие книги его сказок для маленьких.

Мы предлагаем вашему вниманию рассказ А. Лисняка на школьную тему, в котором он без элементов сказки обойтись не смог.

Александр Лисняк — участник XV конференции молодых писателей Северо-Запада и делегат на совещание молодых писателей в Москве.

Александр ЛИСНЯК

Этот опасный Сидоров

Пришли мы на урок физкультуры. Я уроков этих, честно говоря, не люблю. Наверное, потому, что я толстый. Я люблю есть и книжки читать. То, что мы не проходили. Про теорию относительности, например, или сочинения Гегеля. Хорошие сочинения писал этот Гегель!

А на уроки физкультуры я всегда хромым прихожу. Только начну хромать — все знают: следующий урок — физкультура. И орут:

← Ура! Физкультура!

И чего орут! Я ещё понимаю, если на физкультуре не физкультурой заниматься, а стоящим делом, так это урок неплохой! Но с этой точки зрения каждый урок неплохой. Всё дело в том, что даже на физкультуре приходится заниматься физкультурой, а не философов читать!

Пришёл к нам новый учитель физкультуры. Сначала он мне верил, что я хромаю. А потом всё узнал и рассердился.

— К снаряду! — говорит мне.

Я тогда как раз философиями-стоиками увлекался. Нравилась мне их стойкость. Взял я, сорвался с брусьев и голову ушиб. Так ушиб, что медсестру позвали! Зато потом я целую неделю только ел и книжки читал дома.

И учитель с меня после этого ничего не требовал. Вместо упражнений на снарядах разрешал книжку читать. Он ещё молодой, неопытный. Знает только, что за меня отвечает. А опыта работы со школьниками у него ещё нету. Поэтому я только пробежку делал. А потом сидел в углу на мате и читал что-нибудь такое, чего мы не проходили. А рядом Никитина читала. Она тоже толстая и освобождённая.

Только учитель этого не выдержал. Справки-то у меня не было, как у Никитиной.

— К снаряду! — говорит мне. — Твоя очередь, Сидоров!

Я отложил в сторону сочинения Сенеки. Хорошие сочинения этот Сенека писал! На вольную тему.

Пошёл я на кольца, раскачался и... растянул ногу. Ловко упал!

— Я же не говорил — на кольца! Они же для старшего возраста! — закричал учитель. Он у нас ещё молодой, неопытный. Мало со школьниками работал.

Я лежал и стонал. Три месяца только читал и ел! Выписался из больницы, захожу в класс, здороваюсь с ребятами. А мне говорят:

— Следующий урок — физкультура!

Ладно. А Крутиков мне кричит: — Эй ты, тюфяк, сарделька, на физкультуру попал!

И что он суетится, этот Крутиков? Чего подобными возгласами добивается? Подошёл я к нему и сделал двойной нельсон. Приём есть такой, который мы не проходили. И, лежа ва Крутикове, я у него спросил:

— Понял?

— Ага! — сказал Крутиков. — Только отпусти!

Как будто я его держать собираюсь!

Поднялся я, вынул из кармана бутерброд и уселся читать на подоконник в коридоре. Там подоконники широкие. Впереди ещё была половина большой перемены. Тут подходит ко мне Перепёлкина с красной повязкой. Глаза ехидные. И говорит:

— Сидоров, в коридоре на окне сидеть воспрещается!

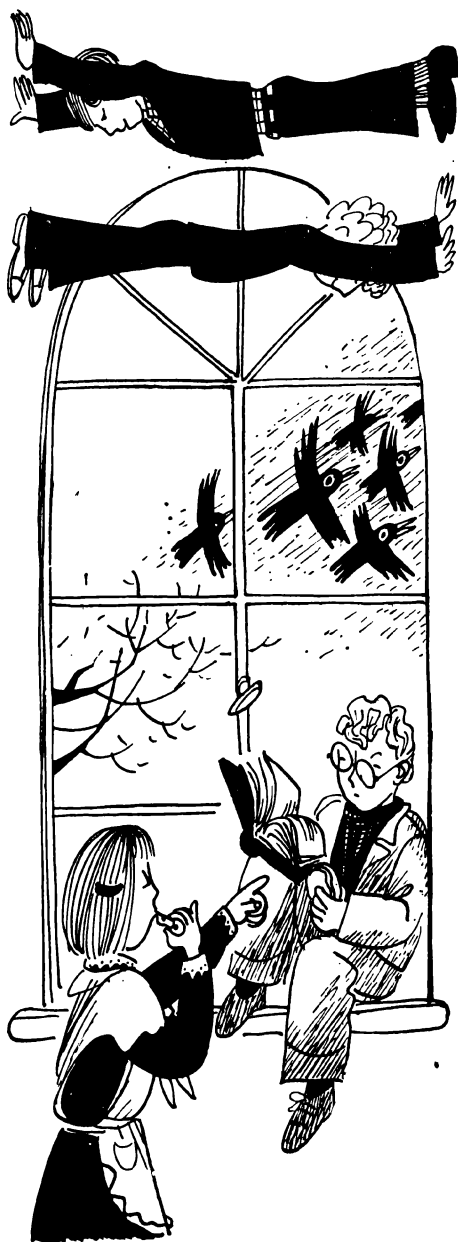
— Где это, — говорю я, — написано?

— Встань и гуляй, как все ученики! — говорит Перепёлкина.

Можно подумать, все они гуляют.

Бамбукин, например, в кариатиду играет. Упёрся руками в одну стену коридора, а ногами в другую — под самым потолком. А чуть пониже — Асосисян. Сияет весь! Тоже научился! Про других и не говорю — эти двое — самые тихие... Но я не стал на них показывать. Не в моём это характере.

— Если не будешь исполнять правила поведения на перемене, пожалеешь! — нехорошим голосом говорит Перепёлкина.

— Ещё чего! — говорю я и в Се-неку уткнулся. С ней только время терять, а до конца перемены пять минут осталось.

Тут она в свисток как засвистит! Подбегают ещё четверо дежурных, хватают меня и к старшему пионервожатому ведут.

— Ты что же это, Сидоров? — говорит старший пионервожатый. —

Спецпатруль не слушаешь? У нас ведь по всей школе объявлено — рейд высокой дисциплины!

— Я ему говорила! — говорит Перепёлкина.

Ну, врёт! И чего она ко мне вечно придирается?

— А что это ты читаешь? — спрашивает у меня вдруг старший пионервожатый.

— Сенеку! — говорю я. — Здорово пишет!

Старший на меня долго смотрел. Книжку полистал и мне отдал.

— Поня-а-атно... — говорит. — Иди и веди себя хорошо! Э-э-э... Хорошее у тебя издание Сенеки, Сидоров!

— Ага! — говорю я. — Я за него шикарную трещотку отдал Яворскому!

— А... ты не поменяешь его, Сенеку, значит... ну, скажем, на «Три мушкетёра»?

Шутит он, что ли?

— Я, — говорю, — конечно могу обменяться с вами на Карлейля, если у вас есть «История французской революции...»

— Так ты ведь из 6-а, да, Сидоров? — спрашивает он растерянно.

— Да, — говорю.

А Перепёлкина притихла. Тихо стоит, как стул, и помощники её рядом.

— Ладно, иди! — говорит мне старший пионервожатый и стал вiski массировать.

— Ещё могу меняться на четвёртый том Эфрона и Брокгауза, — говорю я.

Но старший пионервожатый только рукой махнул как-то неопределённо. А Перепёлкина на меня посмотрела, как на автомобиль новой марки.

Вышел я. Иду, хромяю на физкультуру. Догоняет меня Перепёлкина — она из параллельного класса.

— А я и не знала, что ты интересный человек, Сидоров! — говорит она.

— Все люди интересные, — говорю я.

— Да я не в том смысле! — говорит она. — Ты так много знаешь! Всё то, чего мы не проходили даже!

— В институте будете проходить, — сказал я. — А я знаю, что ничего не знаю!

И пошёл быстрее. И что ей от меня надо, этой Перепёлкиной?! Вхожу в спортивный зал. Учителя ещё нету. Тут вбегает Бамбукин! У него только по физкультуре пять. В чёрном трико, как Гамлет!

Сделал Бамбукин сальто, потом уголок на кольцах, потом шестерной кувырок, потом солнце на перекладине. А потом разбежался и... по стене, вверх! Добежал до по-

толка и вернулся. Я даже книгу выронил. Смотрю. И все смотрят. А он улыбается. На стене до потолка — следы кедов! Тут учитель входит и тоже на стену смотрит.

— Что это значит? — говорит учитель. — Кто будет белить, а? Будешь, Бамбукин, белить, а?

— Нет, вы только посмотрите, что я умею! — влюбленным шёпотом говорит Бамбукин. И опять до потолка добежал. Все аплодируют. Учитель пот вытер. И на меня почему-то посмотрел. Долгим таким взглядом, как будто даже любящим.

— Аксельранты, Иван Максимович! — говорю я.

— А? — переспрашивает учитель.

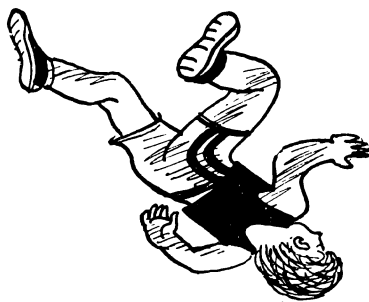
— Ак-сель-ран-ты! — говорю я. И, сам, не ожидая, как закричу: — За мно-о-ой!

Допёк меня Бамбукин этим бегом не по программе! Бросил я Сенеку и — на стену! Пробежал по стене, по потолку, по другой стене, оббежал окно два раза и на прежнее место прыгнул! Смотрю, Никитина ринулась, за ней ещё кто-то... По потолку восьмёрками! У Бамбукина даже рот открылся.

— Прекратить! — крикнул Иван Максимович. — Строиться в шеренгу по одному!

Все, конечно, сразу построились.

Он как-то странно улыбнулся нам и поёжился. Мало ещё он в школе проработал, мало!

— Начинаем разминку по программе! — говорит Иван Максимович. — Ты, Сидоров, — впереди! Теперь-то я знаю, на что ты способен!

— Так то же не по программе! — говорю я. — А от программы меня освободили!

— Нет уж, — говорит учитель, — и слушать теперь не хочу!

Ну я и побежал впереди всех.

Рис. Ю. Бочкарёва

В зимний день

*Сугробы, словно мягкие постели,
К земле пригнулись сумрачные ели,
И чувствуют сквозь зимний сон берёзы,
Как тайно подбираются морозы.*

Весна

*Ещё не видно журавлей
Ещё синее рыхлый лёд,
А под землёй всё веселей
Весны отчаянный полёт.*

Лён

*Овеян тёплыми ветрами,
Покрыт сверкающей росой.
Он за безмолвными стогами
Синеет длинной полосой.
Мерцающая сквозь ромашки
нежные,
В голубизну небес влюблён,
Он смотрит весело и нежно—
Голубоглазый русский лён.*

Слава ГУЩИНА,
6-а класс, 11-я школа.

ДАВАЙТЕ ЗНАКОМИТЬСЯ

Слава Гущина и Наташа Десяткова — школьницы.

Слава учится в шестом классе, Наташа — в пятом.

Обе любят рисовать, причём Наташа учится в художественной школе. Обе любят животных, причём Слава ходит заниматься в конно-спортивную школу.

Обе посещают поэтический кружок при газете «Ленинские искры» и печатались в нашем журнале неоднократно.

Предлагаем нашим читателям новые стихи Славы и Наташи.

Что было?

Две бабочки в прятки играли на поле,
А крылья свои подарили корове,
— И что же с ней стало?
— И что же с ней стало?
Представьте — корова над полем летала.

Малыш-головастик рыбачил на речке,
Ему на наживку попалась овечка.
— И что же с ней было?
— И что же с ней было?
Представьте — хвостом рыбакова убила.

Сама я летела на облаке белом
И врезалась в тучку, свернуть не успела.
— И что ж с тобой стало?
— И что ж с тобой стало?
Я шишку набила и врать перестала.

Носорог

Добрый, мудрый носорог
Сам испёк большой пирог,
Наварил стакан варенья
Всех позвал на угощенье.

Гости с радостью явились,
Ели, пили, веселились,
Пели песни под свирель,
Пировали целый день.

После пира на полянке
Не осталось и следов:
Ни одной помятой травки
Или сломанных цветов,

Потому что носороги,
Добряки и чудачки,
Были всё-таки не звери,
А красивые жуки.

Наташа ДЕСЯТКОВА,
5-а класс, 179-я школа

Рис. Л. Коломейцевой

ДАВАЙТЕ ЗНАКОМИТЬСЯ

Борису Алмазову 34 года. По профессии он педагог. Читатели «Искорки» хорошо с ним знакомы: на страницах нашего журнала он печатался много раз. Можно сказать — «Искорка» открыла писателя Алмазова.

У Б. Алмазова вышли в издательстве «Детская литература» две книги, одна из них называется «Самый красивый конь», другая — «Прощайте и здравствуйте, кони». Готовится к выходу и третья книга.

Сюжет повести «Презент», которую мы предлагаем нашим читателям, не выдуман автором, в ней он рассказывает о жизни своего деда.

Борис Алмазов — участник XV конференции молодых писателей Северо-Запада и делегат на совещание молодых писателей в Москве.

Борис АЛМАЗОВ

рис Ю. ШАБАНОВА

ПРЕЗЕНТ

Я расскажу историю, которую слышал от своей бабушки, а потом во всех подробностях от стариков нашего хутора. Они так часто и так красочно рассказывали её, что мне стало казаться, будто я сам был если не её участником, то свидетелем. Будто все это случилось на моих глазах.

А произошла эта история с моим дедушкой Харлампием Прокофьевичем. Только тогда он ещё дедушкой не был, потому что история эта произошла пятьдесят лет назад, тогда его ещё и по отчеству звали редко, всё больше по имени, по фамилии или по должности —

сотник. Он был командиром вспомогательной казачьей сотни. Называлась она вспомогательной потому, что помогала Красной Армии ловить бандитов, которых было много после гражданской войны. Эту сотню собирали по тревоге, когда красноармейцам нужна была подмога. Красноармейцы и милиционеры были ребята молодые, а во вспомогательной сотне служили опытные фронтовики. Мой дед, например, воевал уже десятый год (если, конечно, не считать отпусков по ранениям да кратких побывок между боями).

В ту пору шёл ему тридцать ше-

стой год, и хоть был он рослый, крепкий человек, но служить бы уже не должен — и по возрасту, и по ранениям для службы не подходил, а самое главное — воевать устал! Ни о чём он так не мечтал, как вернуться домой, повесить шашку и винтовку на стену, скинуть солдатские сапоги и пройтись босиком по тёплым крашеным половицам. Сходить в баню, похлебать кислого молока, поиграть со своими тремя дочками, которых видел последний раз полгода назад. Но приказа о том, чтобы идти по домам, всё не было и не было.

1.

В погоне за бандитами зашли казаки далеко от родных станиц — в Брянские леса. Тут и застигла их зима. Зима и вообще-то невесёлое время года, а когда зимуешь в чужой стороне, в сырой землянке, где со стен течёт вода, да в чужих лесах, где нет привычного степного простора, а упирается взгляд, словно в забор, в частокол деревьев, и нет боёв, а всё ученья да ученья, и только вороньё кружит над лесом да ветер воет, вот тут-то и наваливается на человека тоска. И Харлампий так тосковал, что комиссар боялся, как бы с ним от тоски не приключилась болезнь. Он следил, чтобы сотника зря не тревожили, и Харлампий всё свободное время старался спать. Потому что тогда время идёт быстрее и снятся всякие сны. А что могло ему сниться, если он о доме думал? Дом ему и снился.

Снилось горячее солнце и высокая трава, которую он косит звенящей косой, снились розовые стены хат и белое кипение цветущих садов, снилась степь без конца и без края, с меловыми горами на горизонте. Снилось жена, которая, ласково улыбаясь, ставит на щелястый стол в саду чугунок с наваристыми бараньими щами, и золотые головёнки дочек, и как они, стуча деревянными ложками, сидят вокруг стола.

Но Харлампий просыпался, и опять видел сырые бревенчатые стены землянки, а когда, накинув шинель, выходил на воздух, опять окружал его чужой, тёмный лес, снег, истоптанный в жижу конскими копытами, и стаи галок над соснами, и снова наваливалась тоска.

Настал март. Запахло весной. Зацвели вербы. У Харлампия сон пропал. Спать не может — так домой хочется. Сев скоро, а кому сеять? Жене одной не справиться! Тогда стал он все ночи напролёт ходить. Километров за двадцать от лагеря уходил. Шагает по лесным дорогам, а сам про дом думает. Всё ему кажется, что за быками он идёт, на плуг тяжёлый налегает, что отваливается от лемеха влажный, пахучий чернозем.

2.

Вот раз под утро возвращался Харлампий в лагерь. Зелёным весенним туманом охвачен лес, каждая почка набралась влаги, натужилась, чтобы скоро выбросить свежий, пахучий лист.

Некурящий сотник особенно остро чувствовал все оттенки и волны запахов, которыми были полны кусты и деревья. И вдруг ветер донёс до него еле слышный запах махорки. Это не был дымок от самокрутки. Так пахнет одежда у курящих, только сами они этот запах не чувствуют.

Харлампий ещё ничего не успел подумать, а тело его, привычное к войне, уже само делало всё что нужно. Он бесшумно лёг в корни дерева и увидел, как из кустов вышли два человека. Первый нёс винтовку со штыком.

«Часового убили, — понял сотник. — Лагерь без охраны».

Из лесу стали выезжать конные, показались подводы с тюками и тачанка. Банда прорывалась за кордон и напоследок решила разделиться с отрядом, где служил Харлампий.

Может быть, одну или две секунды медлил сотник, прижимаясь к земле. Спасительная мысль, что он не вооружен, что он один и ничего не может сделать с сотней бандитов и поэтому лучше спрятаться, мелькнула в его голове. Он понимал, что если встанет, то жизнь его кончена, и не видать ему больше ни дома, ни детей... Но там в землянках были его товарищи, которых не меньше чем его ждали дома, и жить они хотели ничуть не меньше... И он встал!

Тенью пошёл Харлампий рядом с бандой. Бандиты стали строиться для атаки. Развернулась тачанка. Возница зажимал храпы коням, чтобы не заржали. Харлампий оглушил его ударом в висок. Кони дёрнулись, но Харлампий, поймав дышло, огладил их. Потом осторожно вытащил у бандита шашку и наотмашь рубанул пулемётчика. Развернул пулёмёт и огненной струёй стал косить врагов. Харлампий стрелял и стрелял, а краем глаза видел, как от землянок замелькали огоньки выстрелов.

— Что! Что! — кричал он, распахиваясь от боя. — Не вышло?!

И тут страшно ударило его в затылок, и повалился он вперёд, обхватив руками горячий пулёмёт.

* * *

Нет таких людей, которым бы не было страшно. Нет такого человека, у которого в минуту опасности не дрогнуло бы сердце, не стали бы ватными ноги. И храбрец боится! Только храбрец умеет страх свой победить. Подумать о товарищах, о Родине. А трус, он всегда думает только о себе.

И я горжусь своим дедом, потому что он был храбрым. Я горжусь им, потому что он был умелым воином, и до сих пор помнят его в нашем хуторе потомки тех казаков, которых спас он тогда в Брянском лесу. Но повесть моя не про храбрость. Потому что храбрости одной мало для человека. И если говорят о человеке «он был храбрым!» — это ещё не значит,

что был он человеком хорошим. Вот хороший человек всегда храбрый, но у него есть и другое...

3.

Очнулся Харлампий в землянке. Над ним сидел комиссар, а землянка была полна казаками и красноармейцами.

— Случилось тебе три радости! — говорил комиссар. — Первая радость — жив ты, Харлампий! Пуля ударила тебя вскользь! Это тебя тот бандит приласкал, что с конями хороводился. Возница, одним словом, которого ты оглушил.

Он дал раненому сотнику попить и продолжал:

— Отсюда получается тебе вторая радость. Хоть и не шибко, а ранен ты и, стало быть, выходить тебе вчистую, по ранению! Идёшь ты, стало быть, домой!

От этих слов Харлампию сразу полегчало, и он сел на нарах, хотя голова у него гудела и кружилась, а бинт, намоченный кровью, прилип к затылку.

— Ты погоди, ты лежи, — уложил его обратно комиссар. — Главная тебе радость иная! Вот тебе товарищи скажут!

Казаки и бойцы улыбались.

— Что за радость? — спросил Харлампий и подумал: «Уж коли домой отпускают, что может быть радостнее?»

— А ты подумай! — сказал его однополчанин Хрисанф Калмыков. — Ты подумай!

— Не могу! — пошутил Харлампий. — Мне думать нельзя, я в голову раненный!

— Ну тогда мы тебе не скажем, — засмеялся Хрисанф. — А то ещё помрёшь.

— Да не томите, ребята!

— Уж так и быть! — сказал Хрисанф и встал торжественно. — Значит, поздравление прими, Харлампий Прокофьевич! Мы тебя бывало дравнили «Молодец — девичий отец!» поскольку у тебя три дочери имеются... А теперь никто тебя так дразнить не сможет, как ро-

дился у тебя сын! Об чём получен депеша.

Тут все бойцы стали смеяться и хлопать сотника по плечам и жать ему руку.

— Казацкому роду нет переводу! — сказал Калмыков.

Так мой дед Харламгий узнал, что у него родился сын. Мой отец.

4.

Фельдшер не велел Харлампию вставать ещё несколько дней, и он лежал один в пустой землянке, когда все уходили чистить коней или прочёсывать леса, и всё мечтал. Он

представлял себе, как придет домой, да как все домашние к нему кинутся. И ещё пытался представить, какой у него сынок, какие у него волосики, пальчики... Одно только заботило его — подарки!

«Как без презента домой ехать?» — ломал он голову.

Казаки дали ему несколько кусков мыла из того, что полагалось им на взвод. «Бери, Харламгий, на презент, дома в мыле большая недостача, а мы и веничками берёзовыми отмоемся». Комиссар наградил его штукой сукна и штукой ситца — девочкам на платья. Но

Харлампий всё ломал голову, что сыну в подарок привезти?

— Голову свою без дырки — вот и лучший презент! — смеялись казаки. — Нужен ему твой подарок. Вон фершал говорит, что он ещё всё вообще верх ногами видит.

Но Харлампий этого понять не мог. Как это видеть всё верх ногами? А про то, чтобы ехать без подарка и слышать не хотел.

— Это же ему на всю жизнь память! — растолковывал он красноармейцам. — Что батька с войны на память привёз! Нужно что-нибудь необыкновенное! Вон мой отец шашку турецкую привёз, у самого ихнего паши отбил, над колыбелью моей повесил! Так я эту шашку пуще глаза берегу! Дом гори — я шашку спасаю!

Но красноармейцы ничего ему посоветовать не могли, только смеялись да крутили головами.

— Дескать, у вас, у казаков, не только фуражки набекрень, но и мозги туда же!

Настал день отъезда. На утренней поверке получил Харлампий бумаги, сдал казенного коня и отправился на станцию. Хрисанф Калмыков пошёл его провожать.

5.

Верстах в трёх от лагеря, в стороне от дороги, услышали они какие-то странные звуки. Держа винтовки наготове, вышли на полянку, залитую весенним половодьем. На полянке лежала коряга, а на ней сидел крошечный мокрый медвежонок.

— Не трожь его! — прошептал Калмыков. — Тут, наверное, медведица поблизости ходит. Наши ребята вчера лес прочёсывали, наткнулись на медведей, стреляли, стреляли, да, видать, мимо. Пойдем от греха.

Но медвежонок был такой смешной, и Харлампию показалось, что он жалобно зовёт его. Не утерпел он, подошёл к зверьку и погладил медвежонка по крутолобой мокрой головёнке. Медвежонок поднялся

на лапках и, ухватив казака за палец, начал вылизывать его розовым язычком.

— Ух ты! — сказал Харлампий. — Вот он — презент необыкновенный. Вот он подарок сыну моему.

— Да ты что! — сказал Калмыков, опасливо озираясь. — Куда ты его из родных местов потащишь?!

— Так ведь он брошенный! Не иначе как разъезд вчера медведицу угнал, либо убил. Потерялся медвежонок.

— Потерялся — найдется! Что ж, думаешь медведица ребёнка своего бросит?

Но Харлампий представил, как приедет он домой, как выпустит медвежонка во дворе и как все хуторяне сбегутся и будут кричать:

«Вона! Какой презент Харлампий своему сыну навоевал!»

— Всё! — сказал он Калмыкову. — Заберу его с собой! Тут он всё равно пропадёт. Бросила его медведица!

— Да мыслимое ли дело, чтобы мать дитё бросила? В уме ли ты?

— А где ж она?

— А вот сейчас как выскочит — узнаешь где! Может, пошла сухое место искать. Её, видать, вода из берлоги выгнала. Весна нынче ранняя... Отпусти ты его! Вишь он какой заморённый!

— Вот я его дома-то и подкормлю... Что ж я его мучить буду?

— Вот заладил, как младенец бессмысленный! — рассердился Калмыков. — Совсем ошалел. Куда ты его в хутор потащишь?! Разве медведю место с человеком?

— А собаки? — сказал Харлампий. — А собаки как же?

— То собаки, а то зверь лесной! Он тя сожрёт!

— Ну да! Что я медведя не прокормлю! Я тут на всю жизнь выспался, теперь дома день и ночь работать буду!

Так Калмыков Харлампия и не отговорил, только поспорились они напоследок.

6.

Домой нужно было ещё добратся. В ту пору ездить было непросто. Поезда ходили от случая к случаю, пассажиров на них набиралось столько, что никакие удостоверения и билеты не помогали, так что приходилось надеяться на авось да на широкие плечи.

В вагон Харлампий сестр и не пытался. Он, как только подавали поезд, лез на крышу. Холодно, конечно, на вагоне сидеть, но зато воздух свежий и компания весёлая — такие же, как он, демобилизованные красноармейцы.

Они сначала думали, что Харлампий поросёнка везёт, а как узнали, что казак медвежонка раздобыл, из соседних вагонов прибежать стали — смотреть. Тут и Харлампий медведя своего разглядел как следует. Медвежонок маленький — в папахе умещался. (Всё равно папаха на забинтованную голову не лезла.) Сидит презент в папахе, глазками-бусинками пощёривает. Каждые два часа вылезает и орёт — еды требует! Да так жалостно: сядет на задик, лапами голову обхватит и кряхтит, подвывает.

А солдат, пожилой татарин, что вместе с Харлампием домой добирался, приговаривает:

— Головушка ты мой горький! Какой такой — несчастный совсем! Куда я попал! Мамка нету, кушать нету... Казанский сирота!

Красноармейцы смеются, а Харлампию не до смеха — боится медвежонка не довести. О пропитании для себя не думал: кусок сала есть, сухарей два десятка, кипяток на станции в любом количестве. А медвежонок сала не ест, мал ещё. Сухарей, в кипятке размоченных, пожевал, так не за голову, а за пузцо своё кругленькое схватился.

— Обкормил совсем ребёнок! — сказал татарин. — Глупый твоя голова! Ему молока давай! Мал совсем.

Спасибо красноармейцы помогали. Они свешивали головы в вагоны и кричали пассажирам:

— Товарищи-граждане, молока не найдётся?

— Чего? — удивлялись в вагонах. — Да на что вам молоко?

— Для прокормления дикого медвежьего дитёнка как пострадавшего от стихийного бедствия и войны. Которые с молоком, окажите помощь, по силе возможности, как беспризорному...

Мешочники не верили. Тогда солдаты привязывали папаху и на ремнях спускали в окно. Медвежонок рычал, пассажиры удивлялись. И какой-нибудь запасливый старичок с корзинкой или тётка, вся укутанная платками, доставали из фанерного чемодана бутылку.

— Вот, — говорили они. — Чего война понаделала! Медведи, и те по дорогам маются!

А медвежонок Презент впивался в тряпочную соску и мгновенно выдувал всю бутылку. Потом он вытягивал губы дудочкой, радостно чмокал и засыпал, забившись в папаху. Харлампия он считал медведицей, а папаху берлогой. Чем казался ему поезд и красноармейцы? Не знаю! Может быть, лесом, в котором шумит ветер. А может, ещё чем. Только ни солдат, ни поезд он не боялся.

7.

Добирался мой дед домой три недели. Презент хоть и кормился плохо, а подрос и руки Харлампию оттягивал, а сам идти не желал. Шестьдесят вёрст, что отделяли наш хутор от станции, казак прошёл за день и поздно вечером постучался в ставень родного дома. Жена Харлампия испуганно глянула в темноту окошка, ахнула и кинулась отворять.

Девчонки заревели, увидав бордатою человека, в прожжённой шинели, с грязной повязкой на голове. А он блаженно улыбался и приговаривал:

— Да что вы? Что вы? Доченьки мои, золотые! Отвыкли! Батьку не узнали?

— Какой ты нам батька! — рассудительно сказала пятилетняя

Катька. — Наш батя на войне!
Воюет!

— Всё! — сказал Харлампий, садясь на порог и стягивая сапоги. — Отвоевался!

Осторожно, как по льду, подошёл он к люльке, где качался и чмокал губами во сне крошечный мальчишка.

— Вона! — залюбовался он. — Беленький какой! В нашу породу.

Он присел на кровать рядом с колыбелью, качнул её раз, другой

и вдруг запел тихонько, хриплым, сорванным от команд на морозе голосом, мучительно припоминая слова песни, которую пела ему в детстве мать:

*Коник, ты мой коник,
Золотая грива.
Возьми меня, коник,
В шёлково седельце...*

— Не гуди так! — остановила его Катька. — Ты его напугаешь...

Она слезла с печи, деловито прошлёпала босыми ногами по поло-

вицам и, заглянув в люльку, сказала:

— Спи, Сашенька, спи маленький.

— Ты его, что ли, нянчишь? — спросил Харламий, любуясь дочкой.

— А то? — ответила она. — Мать-то с утра до вечера в поле.

— Ну ничо! — сказал сотник. — Теперь легче будет. Теперь я работать пойду.

— А Катька нам Сашеньку качать не даёт! — стала жаловаться средняя дочка Аниська. — Будто он только её братик. Жадина!

— Не жалься! — счастливо улыбаясь, сказала мать, внося таз с горячей водой, чтобы вымыть мужу ноги с дороги. — Вот доносчица какая!

— Вот я привёз с кем вам нянчиться! — вспомнил сотник.

Он достал папаху с медвежонок и положил ее посреди комнаты на пол.

Презент моментально вылез из неё и, став на задние лапы, завертел любопытным носом, принюхиваясь к домашним запахам. Девчонки завизжали от восторга. Они схватились за руки и принялись водить хоровод вокруг необыкновенного подарка. Медвежонок, словно понимал, что теперь это его дом, — тоже приплясывал и кружился.

— Я тут ещё материи привёв! — расслабленно говорил Харламий.

— Да шут с ней, с материей! Жив! Живой! — глотая радостные слёзы, приговаривала жена, снимая с головы мужа заскорузлые бинты.

А перед ним всё плыло и качалось. И, проваливаясь в сон, он шептал:

— Всё, отвоевался... Дома, дома я...

8.

Утром на хуторе узнали, что Харламий пришёл. И народ стал собираться к нему в дом: новости узнать, про близких порасспросить. За взрослыми увязывались и ребятишки. Они уже прослышали о

диковинном звере медведе, что привёз сотник. Медведи у нас на Дону не водятся, и никто из ребятишек зверя этого не видал. Каждого малыша, что возникал в проёме двери и опасно жался к косяку, Харламий проводил в горницу и одаривал твёрдокаменным бубликом, связку которых прихватил на станции. И хотя бублики и вообще всякие сласти были по тем временам большой редкостью, но ребятишки видели только медвежонок и про них мгновенно забывали. Харлампиевы дочки спешно спшили ему платье, наперебой поили его молоком и учили служить. Медвежонок ворчал, отмахивался, а когда его тормашили, бежал прятаться под печку. Гости выманивали его оттуда кусками хлеба с мёдом. И веселились, глядя, как он тянет за мёдом чёрную блестящую пуговицу носа.

Дед Тимоня вспоминал, что когда его полк стоял в Москве, то он видел у одного замоскворецкого купца медведей — вместо цепных собак и что медведи эти стерегли двор в тысячу раз лучше собак.

Гости засиделись допоздна. Последних Харламий провожал уже с лампой в руках. Дед Тимоня всё не мог досказать, как он с отцом Харлампия рубал турок на Шипке, а одноногий гармонист Васька (тот, что считал себя счастливейшим человеком, потому что на войне ему оторвало ногу, а не руку, и он мог продолжать играть на гармошке), во всю ширину развернул мехи расписной гармоники и закричал в темноту тёплой ночи:

— Начинаются дни золотые...

И тут в горнице раздался страшный грохот. Когда Харламий вскочил в комнату, медвежонок был уже под печкой, а хозяйка подбирала по всему полу черепки и складывала их рядом с поломаным самоваром. С печи испуганно тарачились девчонки.

— Чтoб ты прокис, окаянный! — приговаривала женщина. — Скатерть стянул! Всю посуду вдребезги, у самовара носик отломал.

— Начинаются дни золотые! — радостно подсказал Васька-гармонист. — Взяли зверя в дом, он вам теперь пропишет...

— Да будет вам! — сказал смущённый Харламий. — Махонький он, не понимает.

— Не понимает? — сказала жена. — Небось где мёд стоял — понял! Это он за мёдом на стол полез — вот скатерть и стянул! Вот я тебе! — погрозила она веником под печку.

— Ре-ре-ре... — ответил медвежонок.

— Ничо! — сказал Харламий. — Где посуда бьётся, там весело живётся! Я ему завтра конуру сколочу — нехай во дворе живёт, к сторожевой службе приучается!

9.

Но медвежонок во дворе жить не смог. Как только Харламий вынес его из хаты, дворовый пёс Цыган стал яростно рваться с цепи. Он захлёбывался лаем, глаза у него наливались кровью.

«Загрызёт!» — подумал казак, прижимая к себе медвежонок, а у того тоже шерсть стала дыбом от злости.

— Ишь ты какой! — Харламий похлопал Презента по круглому задку. — Маленький, а храбрый. Ладно. Живи в сенях! — Он вытащил в сени папаху и устроил там зверёныша.

Но как только он уехал в степь, а его жена ушла с девочками по воду, Президент вытащил папаху из сеней и, ворча, затолкал её под печку обратно. В сенях он жить не хотел. В горнице никого не было, только Сашка плыл, качаясь в люльке. Медвежонок долго поворачивал за нею свой любопытный нос. Он попытался достать колыбель лапой. Не достал — высоко. Закряхтел, почесался. Оглядел комнату. На что бы такое влезть? Недалеко от люльки стояла табуретка. На табуретку Президент вскарабкался легко. Теперь люлька плавала совсем близко от носа.

Мишка толкнул её лапой. Колы-

бель качнулась, он толкнул её сильнее. Люлька сделала большой размах и спихнула медвежонок с табуретки. Он грохнулся на пол. Зарычал! Вскочил на табуретку и вцепился в край колыбели острыми когтями. Люлька понесла его по комнате. Понравилось. Стал прыгать с табуретки на люльку.

Когда хозяйка с дочерьми вернулась от колодца, нагруженная ведрами и кринками с водой, то увидела, что по всей комнате, едва не переворачиваясь, летает колыбель, а на ней, прямо над спящим Сашкой, сидит довольный Президент.

— Было у меня четверо детей! — сказала хозяйка, таскивая медвежонок, который вопил и отмахивался широкими лапами. — А теперь пятеро стало. Пятый — мохнатый — самый озорной! Придётся тебе, Катерина, за ним следить, кабы беды не наделал.

10.

Однако уследить за Президентом было сложно. Каждый день он что-нибудь вытворял. То устроит снежную метель из пуха. Девчонки с утра подушками кидались. Медвежонок обрадовался — думал, что это с ним играют. Стал подушки ловить. Ловко ловит. Да только на лапах у него коготки острые — схватит подушку, она моментально с треском на клочки разлетается. Пока девчонки его утихомирили, он три подушки распустил. По всей хате перья летают! Девчонки в перьях! Обед весь в перьях! А сам медвежонок из бурого стал белым.

— Ну что мне с тобой делать! — говорил Харламий, когда возвращался вечером с поля и домашние рассказывали ему, что нового натворил за день Президент.

Медвежонок лизал ему руки, тёрся крутолобой башкой о широкую грудь сотника, и не мог казак его наказывать. Так шлёпнет для порядка по круглому задку, но мишка, наверно, и не понимал, что это наказание — думал, новая иг-

ра. Он считал себя в доме главным и был уверен, что у людей нет другого дела, как с ним играть. Он хотел во всём принимать участие. И принимал. На горе хозяевам.

Медвежонок был на редкость смышленным, стоило ему один раз увидеть, как хозяйка закрывает на вертушку двери, как он тут же научился их открывать. Он научился выдвигать ящики из комода: упрётся задними лапами в нижний, а верхний тянет изо всех сил зубами. Кряхтит, старается! Хлоп! И ящик вылетел — всего медведя бельём засыпал.

Прибежит Катька на грохот, а мишка посреди комнаты на куче простыней сидит, Сашкин чепчик примеряет! Хотел Презент во всём хозяину помогать, поэтому, как только Харламий приходил домой, Презент не спускал с него своих маленьких, как дробинки, глаз. Святой своей обязанностью считал медвежонок подавать казаку домашние чирики — тапочки. И если девочки опережали его, сердился и начинал драться мохнатыми лапами. Стоило Харлампью сесть ужинать, как он тут же оказывался у него на коленях и возникала его мохнатая голова над

столом, и вертел он любопытным носом — что нового? Что хозяин есть будет? Не перепадёт ли ему? И нетерпеливо сгучал лапами по столу: «Что, хозяйка, мешкаешь! Работника не кормишь!»

Пока Харламгий был в доме или на базу, медведь от него не отходил — путался под ногами и в каждое дело лез — помогал. Стал Харламгий плетень починять. Привёз тальника, начал плести. Плетёт — песню поёт. Соскучился на войне по домашней работе, а тут ещё вечер хороший такой, тёплый, лето настаёт, вишня зацветает. Мир на земле.

Плетёт Харламгий, ну и Презент тут же крутится. Хозяин на него и внимания не обращает. И напрасно. Потому что медвежонок все прутья, которые он между колев насадил, обратно вытащил. Казак с одного конца плетень заплетает, а медведь с другого расплетает. Вот пошли девчонки с матерью в огороде подсолнухи сажать. Мать борону тащит, Аниська большим колом ямки делает, а Катька в каждую ямку семечко кладёт. Один ряд прошли, второй... Вдруг слышат Дашутка с крыльца кричит:

— Медя, Медя идёт! — и рукой показывает. Оглянулись — а во всех ямках пусто. Презент за ними ходил и аккуратно семечки подбирал. Так и ходили строем: мать с бороной, Аниська с колом, Катька с семенами, а позади мишка. И один ряд, и второй, и третий... Пришлось подсолнухи пересевать, а Презента в чулан запереть. Пока сеяли, он там все кринки со сметаной побил! Выскочил из чулана белый, как рождественский пряник. Одни глазёнки перепуганные торчат.

Перекладывал Харламгий трубу у летней печки, что в саду стояла. Летом в доме готовить жарко, да и страшно пожар устроить. Поставил стремянку, залез, обгорелые кирпичи на новые поменял да трубу чуть не на метр выше выложил, чтобы у топки тяга сильнее была.

Презент в это время по саду шатался, прошлогодние яблоки искал. И не думал Харламгий, что медведь за ним внимательно наблюдает. Закончил Харламгий трубу, слез, полюбовался. Красивая труба — высокая, белая. Пошёл руки от извести вымыть. Возвращается, а трубы нет! Сидит на стремянке Презент и старательно по кирпичику трубу разбирает. Одни кирпичи вниз сбрасывает, а другие в трубу заталкивает. От усердия язык высунул. Пришлось Харлампию всю работу сначала начинать, да еще из трубы полдня кирпичи вытаскивать.

В степи зимой главная забота — топка. Леса в степи нет, поэтому топят печи кизяком. Кизяки — это солома с навозом. Готовят их обычно всё лето. Отгораживают во дворе досками угол, свозят туда сухой навоз и перемешивают его с водой и соломой. Чем лучше кизяки намешаны, тем веселее будет гореть печь в трескучие морозы. Топчут кизяки всей семьёй, даже крошечные детишки, и те розовыми своими пятками месят колючую солому. Труд этот хоть и не очень тяжёлый, но утомительный.

Когда Презент увидел, что вся семья Харлампия, взявшись за руки, пляшет в углу двора, он пришёл в восторг. Сначала он обежал весь двор на задних лапах, отдавая честь, потом прокатился через весь двор с боку на бок, потом рывкнул и прошёлся колесом. И, уж совершенно придя в восторг, плюхнулся в жидкий навоз и во всей красе кинулся к девчонкам. Тут уж было не до кизяков! Пришлось баню топить да всех девчонок, и Презента заодно, щёлоком отмывать.

11.

Рос медвежонок очень быстро. К осени от папахи, что служила Презенту берлогой, осталось одно красное суконное донышко. А сам он не то что в папаху, а в собачью конуру уже не помещался.

Рос медвежонок, росли и проказы. И хоть веселили его проделки всю семью и даже весь хутор, при-

носили они немалые убытки. За одну только неделю Презент оборвал люльку, которую давно отобрал у Сашки, снял с петель дверь в сарае и обломал яблони в саду — качался на ветках и рвал зелёные яблоки.

Харлампиева жена и девчонки за любым делом уже привыкли всё время присматривать — где медвежонок? Потому что стоило ему затихнуть, как через некоторое время либо грохот где раздавался, либо ругань соседей. Презент границы между дворами не признавал и шкодил в соседнем саду не меньше, чем в своём. Хорошо, соседи были добрые, поворчат и перестанут, а случись злые люди, не сносить бы Презенту головы.

Четыре улья он у соседей разобрал. Залез на крышу в погоне за аистами и сбросил почти всю солому. Пришлось Харлампию и улья чинить, и пчел собирать, и

крышу соседям заново соломой крыть. Стали замечать, что куры куда-то исчезают. С каждым днём всё меньше топчется их по двору. Не иначе Презент куда-то их деваёт. Решил Харлампий за медвежонок последить.

Рано утром Презент выкатился во двор и первым делом полез умываться в бочку под водосточной трубой. Он долго рычал и плюхался в мутной воде. Вылез, разлёгся на завалинке сушиться. Часа полтора сушился: уж он и так, и эдак ляжет, и нос в лапы спрячет, и пузо своё сытенское выставит, и с завалинки свесится. А тут и куры вышли из курятника. Медвежонок оживился. Сначала он просто так для порядка погонял их по двору. Куры с кудахтаньем разбегались в разные стороны. Медвежонок было их не догнать. Тогда он забрался на кучу песка в дальнем углу база, сгорбатился и

начал песок пересыпать. Нагребёт в лапу, поднимет и сыплет тонкой струйкой.

— Ах ты! — подивился Харлам-пий. Он следил за медведем через щель прикрытых ставен. — На-смотрелся, как жена кур кормит, зерно им сыплет. И вправду похо-же.

Куры сначала опасливо, а потом всё беззаботнее со всего двора ста-ли собираться к медведю. Вот одна сунулась под самую лапу. Удар! И курица замерла, дрыгнув ногами. Медведь оглянулся и торопливо су-нул курицу под себя. И опять при-нялся подманывать глупых птиц.

— Вот это да! — поразился Хар-лампий.

Он так удивился медвежьей смекалке, что даже курицу ему не было жалко. Презент забил ещё од-ну птицу и пошёл их прятать в ов-раг.

Харлампий видел в овраге кое-как заброшенную песком и листь-ями кучу битых кур, но думал, что это кто-то из соседей выбросил за-болевших птиц: на них часто на-падали всякие болезни. Теперь он понял, что это работа Презента. И тут впервые закралась в душу ка-зака тревога: он слышал, что хи-щник, живущий дома, до тех пор не опасен, пока не попробовал кро-ви.

«Но ведь он кур-то не ест, — ус-покаивал себя Харлампий и тут же добавлял: — Пока не ест». На-до его на цепь сажать, — решил он, но всё откладывал, потому что жаль ему было лишать потешного, весёлого медвежонка свободы. И хоть было от мишки много беспо-койства, но Харлампий и себя и до-машних уговаривал:

— Ничего медведь дурного не делает, нрава он хорошего, а если и шкодит сверх меры, так потому, что он зверь, не человек, и живёт по своим медвежьим законам, жи-

вёт, как положено жить медведю его возраста.

Жене Харлампий ничего про кур не рассказал, она и так Сашку од-ного в доме не оставляла, боялась как бы медвежонок его не попор-тил, не напугал бы нечаянно.

Дня через три вся семья Хар-лампия была разбужена страшной возней во дворе и собачьим лаем. Цыган, дворовый пёс, которого от-дали на другой хутор, чтобы он не загрыз медвежонка, вернулся. При-шёл он не один, с ним явился со-седский пёс Завирайка и беспутная дворняга, что лезла во все драки. Цыган обошёл двор, наполненный чужим звериным запахом. Он нер-вно зевал и ставил метки на стол-бы, задрал ногу, — возвращал свои бывшие владения. Когда же что-то мохнатое, пахнущее врагом, выка-тилось на крыльцо, Цыган одним прыжком хотел достать его горло. Но не тут-то было. Презент давно превратился из маленького мохна-того заморыша в крепкого и лов-кого зверя. Он отвесил Цыгану та-кую затрещину, что тот с воем по-катился в кусты. Не успел Хар-лампий выскочить, чтобы прекра-тить драку (он боялся, что собаки порвут медвежонка, и жаль ему было старого Цыгана, который пришел к себе домой, а тут вот такая встреча). Не успел Харлам-пий закричать «А вот я вас!», как драка закончилась... Собаки бро-сились бежать.

Первой с воем побежала беспут-ная дворняга, которую вообще ни-кто не трогал, за ней припустил Завирайка! Один Цыган решил стоять насмерть за свой двор, но хозяин его схватил за обрывок ве-рёвки на шее и отвёл на новое место жительства. А медведь дол-го, оцетинившись, косолапил по двору и рычал во все закоулки — врагов пугал.

(Окончание следует)

СПАСИБО ТЕБЕ, МЭРГЭН-БОГАТЫРЬ!

Нанайская народная сказка

Когда было — никто не помнит. Самая старая черепаха не помнит, самый старый ворон не помнит. Кедр, высокий и могучий — тоже не помнит. Не умели тогда нанай железо ковать. Всё из кости да из камня делали. Скребки и ножи — из кости да камня, наконечники для стрел и острог — тоже из кости да из камня.

А сейчас я расскажу тебе, как узнали нанай кузнечный мех, как появились у них молот и наковальня и как спас Мэргэн-богатырь нанай от голодной смерти. Так было. Слушай.

Однажды вдруг ветер подул. Сильный-пресильный. День дует, два дует, три дует. Месяц прошёл — не унимается ветер. Год на исходе, а он ещё сильнее дует. Птицы все песни забыли, старики кедры головами качают. Люди в домах попрятались, звери из тайги не выходят.

Голод пришёл в стойбища нанай. Дети в игры не играют, женщины все слёзы выплакали, охотники на нарах лежат — встать не могут. Старики трубки не курят, сказок не говорят — совсем умирать собрались. Плохо.

Тогда нашелся среди нанай Мэргэн-богатырь. Стал он один рыбу ловить, на зверя охотиться — нанай стал подкармливать. Да только сколько может один человек рыбы наловить, зверя набить? Под силу ли одному весь народ прокормить? Решил тогда Мэргэн-богатырь убить проклятый ветер. Рыбы вдоволь наловил, мяса принёс — на целый год хватит. Сделал так и пошёл Мэргэн-богатырь дом ветра искать.

День идёт, два идёт, вот уж и месяц кончается. Много стойбищ миновал — ни человека, ни зверя не встретил, только плач детей да стоны стариков слышал. Долго шёл Мэргэн-богатырь, а ветер всё сильнее в грудь бьёт, с ног валит, в ухах свистит. Такой свист поднялся, что стал Мэргэн-богатырь глоснуть. Поднял он голову — посмотреть, откуда такой свист идёт, а ветер в глаза бьёт, не даёт смотреть. Только и успел заметить Мэргэн-богатырь — чёрная скала, дыра в ней большая, а из дыры ветер дует. Обмотал Мэргэн-богатырь голову шкурой кабаньей и в дыру полез. Долго лез — где ползком, а где и в рост становился. Вдруг чувствует — нет ветра, кончился ветер, умер. Снял он шкуру с головы, огляделся. Перед ним мех кузнечный большой, наковальня рядом, на наковальне молот лежит. И стоит возле наковальни Чёрный человек — чудовище страшное.

— Ты что куёшь? — Мэргэн-богатырь спрашивает.

Отвечает Чёрный человек — чудовище страшное. Так отвечает — скала задрожала.

— Игрушку сыну кую, — говорит.

Услышал Мэргэн-богатырь такой ответ — совсем рассердился.

— Ты ребёнку игрушку куешь, а ветер на весь Амур поднял — совсем нанай жизни не стало. Нос из дому не высунуть, на охоту выйти не могут, ветер с ног валит. Дети в игры не играют, женщины все слёзы выплакали, охотники на нарах лежат — встать не могут. Старики трубки не курят, сказки не говорят — совсем умирать собрались. Бросай игрушку, ломай мех!

Отвечает Чёрный человек — чудовище страшное:

— Не буду ломать. Мне ещё три года ковать надо. А до панай твоих мне и дела нет — пускай хоть все умирают.

Ещё больше рассердился Мэргэн-богатырь, такие слова услышав. Говорит он Чёрному человеку — чудовищу страшному:

— Тогда драться с тобой будем.

Ну, драться стали.

День дрались, два дрались, третий дерутся. Устали. В руках сила кончилась, в ногах тоже сила кончилась. На землю сели. Друг против друга сели, плевать начали. День плюются, второй плюются, на третий устали. Слюна кончилась, в языке сила кончилась. Глазами драться стали. Один зырк, другой зырк. Долго зыркали — тоже устали. В глазах сила кончилась. Сидят Мэргэн-богатырь и Чёрный человек — чудовище страшное, шевельнуться не могут. Совсем силы не стало.

День сидят, второй сидят, на третий подняться не могут. Вдруг вспомнил Мэргэн-богатырь, что оставил запасов народу своему на один год только. А год уж к концу подошёл. И откуда только силы взялись! Поднялся Мэргэн-богатырь, молот с наковальни взял, размахнулся и ударил

Чёрного человека — чудовище страшное по башке его лохматой. Раскололась башка, как пустой орех. Всё. Нет больше Чёрного человека — чудовища страшного.

Отдохнул Мэргэн-богатырь, сил набрался, наковальню на плечи взвалил, мех и молот под мышки сунул, в своё стойбище обратно пошёл. Птицы ему песни поют, стройные кедры ветвями машут. Идёт Мэргэн-богатырь по берегу Амура, по сторонам глядит. Охотники рыбу ловят, соболя в тайге промышляют, женщины еду готовят, одежды шьют. Дети песни поют, в игры играют. Старики трубки курят, сказки говорят — умирать забывают. Хорошо нанай живут — сытно, счастливо.

Так спас Мэргэн-богатырь свой родной народ да ещё подарки на Амур принёс — кузнечный мех, наковальню и молот. Стали нанай железо ковать — ещё лучше жить стали.

Спасибо тебе, Мэргэн-богатырь!

Вот. Кончилась сказка.

ТЫ-ЧЕЛОВЕК

Нанайская народная сказка

Зимой было. Мороз был. Снег и лёд был. Шел мальчик по берегу Мангбо — так нанай в старое время Амур называли. На лёд спустился. Два шага прошёл, поскользнулся, упал. Совсем упал — на спине лежит. Встал мальчик, спрашивает:

— Лёд, что за сила у тебя, что меня на спину повалил?

Лёд отвечает:

— Значит, я сильный, раз на спину повалил.

Мальчик говорит:

— Хоть ты сильный, солнце хорошо светить стапёт — весь растаешь.

Лёд говорит:

— Значит, солнце сильнее.

Высоко солнце. Тихо спросишь — ничего не услышит. Громко мальчик кричит, солнце спрашивает:

— В чём твоя сила?

Солнце говорит:

— Значит, сильное, раз лёд растопить могу.

Мальчик говорит:

— Раз сильное, почему туча придёт, одним краем закрыть может?

Солнце говорит:

— Значит, туча сильнее.

Мальчик тучу спрашивает:

— В чём твоя сила?

Туча говорит:

— Значит, сильная, раз солнце закрыть могу.

Мальчик говорит:

— Раз сильная, почему ветер подует — убегаешь в страхе, по небу бежишь?

Туча говорит:

— Значит, ветер сильнее.

Ветер быстро бежит — ногами не догонишь. Встал мальчик на лыжи. Быстро побегал — ветер впереди бежит. Совсем быстро побегал — рядом с ветром бежит. У ветра спрашивает:

— В чём твоя сила?

Ветер говорит:

— Значит, сильный, раз тучи разгоняю.

Мальчик говорит:

— Раз сильный, почему гору сдвинуть не можешь?

Ветер говорит:

— Значит, гора сильнее.

Отстал мальчик. Медленно пошёл. К горе подошёл. Гору спрашивает:

— Гора, в чём твоя сила?

Гора говорит:

— Значит, сильная, раз ветер об меня разбивается.

Мальчик говорит:

— Гора, раз сильная, почему дереву разрешаешь на своей вершине расти?

Гора говорит:

— Значит, дерево сильнее.

Подошёл мальчик к дереву, спрашивает:

— Раз ты сильное, почему падаешь, когда человек тебя рубит?

Дерево говорит:

— Человек сильнее.

Обрадовался мальчик. Засмеялся. Песню запел. Он человек — он сильнее.

Всю сказку рассказал. Теперь слушай.

Кто читал: ты человек — ты сильнее. Кто слушал: ты человек — ты сильнее. Запомнил? Теперь так живи. Всё сказал.

Пересказал для детей Ефим ЮДИН.

Рис. Ю. Бочкарёва

ДАВАЙТЕ ЗНАКОМИТЬСЯ

Ефиму Юдину 30 лет. По профессии он педагог, но предпочитает работать библиотекарем в детской библиотеке. Ефим Юдин любит переводить или пересказывать для детей с других языков, отдавая предпочтение произведениям народного творчества. В издательстве «Детская литература» недавно вышли две его небольшие книги. Одна из них посвящена японскому фольклору, другая — нанайскому.

Мы напечатали две нанайские народные сказки в пересказе Ефима Юдина.

ДАВАЙТЕ ЗНАКОМИТЬСЯ

Владимиру Клевцову 24 года. Детство он провёл в деревне под Псковом, где его родители работали ветврачам. Позднее переехал в Псков, где сейчас и живёт. После окончания школы Владимир работал помощником наездника в ипподроме, лаборантом в Астраханском заповеднике. Сейчас он заочно учится в Зоотехническом институте и работает зоотехником.

В журнале «Искорна» Владимир Клевцов печатается в первый раз.

В. Клевцов — участник XV конференции молодых писателей Северо-Запада.

Владимир КЛЕВЦОВ

ПЕРВЫЙ СНЕГИРЬ

С первым лёгким морозцем на кордоне появился снегирь. В это было трудно поверить. Время, казалось, надолго остановилось — ни осень, ни зима. Дважды выпал снег, едва прикрывая землю, но утром неизбежно таял. Но теперь увидев снегиря, люди с облегчением вздохнули — раз прилетел снегирь, значит, идёт зима.

Снегиря, похожего на пионера в красном галстуке, заметила и старая злая ворона. Ворону не любил за то, что она разбойничала. Весной она таскала яйца из птичьих гнёзд, а летом крада у купающихся мальчишек блестящие перочинные ножички. Ворона сидела на высокой иве и недовольно поглядывала на снегиря, склёвывающего просыпанный на дороге овёс. Маленькие птицы вызывали у неё раздражение.

Она слетела с ивы, села на дорогу перед снегирём, закрыв его своей тенью, и зло каркнула. Снегирь испуганно взлетел. Ворона, тяжело хлопая крыльями, словно половику, трясла, полетела за ним. Она решила прогнать снегиря со своей территории, но снегирь успел юркнуть под застреху, и огорчённая ворона опять уселась на дерево.

Только через час она снова заметила снегиря. На этот раз он сидел в саду, около кормушки, сделанной мальчиком Тимкой из картонной коробки, и собирался клевать хлебные крошки. Такого ворона потерпеть не могла. Она полетела в сад и, сделав круг над забившимся в кусты снегирём, опустилась на кормушку. Победно оглянулась и ударила по кормушке клювом, проделав в ней круглую дыру. Есть ворона не собиралась, но ударила ещё раз и ещё... и тут кормушка покачнулась, нитки лопнули и ворона кубарем скатилась на землю.

Вечером на кордон прилетела уже целая стая снегирей. Не замечая возмущённого карканья одинокой злой вороны, они весело перепархивали с ветки на ветку. Казалось, кто-то, невидимый за деревьями, перекидывается красными мячами.

ТИМКА

Тимка — мой хороший друг. Познакомилась мы зимой. Зима в том году наступила поздняя, морозы ударили разом и, как это бывает в бесснежье, необычайно сильные. К утру деревья, травы, перила крылечка покрылись блестящим, колючим инеем. От лёгкого ветра иней осыпался и летал в воздухе, пока-

ливая незащищённые собачьи носы.

Уже через несколько дней лесники взяли сети и по льду ушли за границу заповедника туда, где разрешалось ловить рыбу. К вечеру они привезли ослабевшего молодого лебедя, пойманного в полынье. От голода лебедь не мог летать.

Я жил в доме, где имелась свободная, неотапливаемая комната, и лебедя, пока за ним из города не приехал учёный-орнитолог, решили поселить там. Теперь по ночам лебедь не давал мне спать: стучал в стену клювом и размахивал крыльями, пытаясь улететь. Он не мог смириться хотя и со спокойной, но несвободной жизнью.

Днём он вёл себя тихо, стоял в углу, и только когда я проходил по коридору, начинал испуганно бегать по комнате и так сильно размахивать широкими крыльями, что через щель под дверью выдувало мусор.

Чтобы его накормить, требовалось большое терпение. Воду, когда в комнате никого не было, он ещё пил, но есть отказывался совершенно. Мне приходилось открывать ему клюв и пропихивать пищу пальцем. Лебедь сносил эти мучения терпеливо, но только я его отпускал — он выгибал шею, похожую на люцерею из кувшина молоко, и пытался ущипнуть меня за ноги.

Однажды ко мне пришёл соседский мальчишка Тимофей, про ко-

того я знал только то, что все его зовут Тимка, и спросил:

— Ну, как ты назвал своего лебедя?

Лебедя я никак не называл, и Тимка предложил назвать его Крылатко.

— Какой же он Крылатко,— возразил я,— если и летать не может?

— Если мы так его назовём,— ответил Тимка,— он очень скоро поправится и опять сможет летать.

Тимке было шесть лет, он был мал ростом, при разговоре шмыгал носом, и я, простив ему наивность, согласился назвать лебедя Крылатко. На следующий день Тимка пришёл опять, принёс кулёк с зерном и свежей рыбой. Он решил кормить лебедя вместе со мной. Я согласился и на это. С тех пор Тимка стал приходить ко мне ежедневно.

Вскоре, кроме Тимки, у лебедя появился ещё один знакомый. Дело в том, что под окно комнаты, где жил лебедь, повадилась летать ворона. Она садилась на карниз и, поглядывая на лебедя хитрыми и злыми глазами, подолгу чистила перья. Наверное, вороне нравилось видеть в неволе крупную и сильную птицу, с длинной шеей, крепким клювом и большими лапами, похожими на два кленовых листа. Тимка не выдерживал наглого подраживания вороны и кидал в неё камни. Ворона улетала, но лебедь после этого подолгу неподвижно стоял в углу.

Однажды мне позвонили из города и сказали, что завтра лебедя заберут. Узнал я и про его дальнейшую судьбу: лебедю должны подрезать крылья и отдать весной в городской сад, чтобы там, на пруду, держать для красоты.

Я приготовил большой ящик и стал ожидать машину. Когда лебедя увезли, я сказал Тимке, что Крылатко хотя и взят в цирк. Я думал, что так ему будет легче расстаться с лебедем. Тимка посмотрел на меня обиженно, словно хотел сказать: «Ведь ты же взрослый, что же ты ничего не мог придумать?» Но про цирк он вроде поверил.

И чтобы он не раскусил мой обман, я при встрече стал ему рассказывать про нашего лебедя разные выдуманные истории. Я рассказывал, что Крылатко живёт в большом городе, в цирке его кормят хорошо и уже научили подметать крылом арену. Тимка был рад успехам лебедя, и я радовался вместе с ним. Потом я придумал, что Крылатко умеет перелетать через подвешенное под куполом кольцо, прыгать на одной ноге и тянуть клювом тележку с сидящими в ней мышами.

А когда я сказал, что лебедя пожалели и выпустили на волю, Тимка грустно ответил:

— Вот это, наконец, ты придумал правильно.

Так мы и стали с ним друзьями.

Рис. Е. Галеркиной

УЧИТЬСЯ УЧИТЬСЯ!

Подсчитывал ли кто-нибудь из вас, сколько уроков предстоит просидеть ему в школе за десять лет обучения? С. Соловейчик, автор книги «Учение с увлечением», которая вышла в 1976 году в издательстве «Детская литература», подсчитал. И вышло — около 10 тысяч уроков.

Астрономическая цифра. Предвижу — у многих читателей вырвется при взгляде на неё малодушный возглас: «Ого!» А вот автор книги «Учение с увлечением» уверен, что эти 10 тысяч часов могут для всякого обернуться часами радости и творчества.

Снова предвижу возглас читателя-скептика. Приняв слова автора за рекламный трюк, он посмеется: «Тайна таблицы умножения? Тайна грамматики — «корова» пишется через «о»? Чепуха! Наверняка ещё одна брошюра о том, что ученье — свет, а неученье — тьма. Сколько можно? Надоело!» Скажет так читатель и — ошибётся. Впрочем, пусть послушает он, что говорит по этому поводу сам автор книги:

«Признаться, я с этого и начал: я написал не одну, а несколько глав, в которых доказывал, что учиться — это хорошо, а не учиться — плохо. Я привёл прямые доказательства и доказательства от противного, собрал мнения многих мыслителей, подобрал примеры из жизни великих людей, доказывающие, что ученье — свет, свет и свет. А неученье — тьма. Темень тёмная и непроглядная. Даже предельно невежественный человек, тот, для кого неученье не тьма, а именины сердца, — даже он, прочитав эти главы, дрогнул бы душой, задумался бы о своей неправильной жизни и, сам

того не замечая, потянулся бы к учебнику ботаники, всем существом своим осознав, что ученье (вы слышали?) — свет, а неученье, что там ни говори, — тьма.

Но не дрогнет ничья душа. Никто не прочитает прекрасные главы. Я их выбросил. Никому они не нужны. Потому что любой читатель, только попроси его, с изумительным вдохновением докажет, что ученье — свет, а неученье... Докажет и это: что неученье — тьма! Нет такого вопроса — «Зачем учиться?»

Уверен, читатель, тебе стало уже чуть-чуть интереснее. Мы почему-то любим, когда вместо ожидаемой нотации над нами начинают слегка издеваться. Теперь самое время поговорить о книге. Сначала о том, для кого она написана. Если ты учишься на 4 и 5, но в душе считаешь, что ученье без скуки и зубрёжки невозможно — для тебя (имей в виду: скука опасна для здоровья, — предупредит тебя автор).

Если у тебя есть нелюбимый предмет, один вид учебника по которому вызывает изжогу, головную боль, приступ мировой тоски и другие неприятные ощущения, — эта книга для тебя. Если все твердят тебе, что ты способный, но лентяй, и тебя уже перестал радовать этот полукомплимент-полуупрёк — эта книга для тебя. Если ты попал в порочный круг двоек и не знаешь, как из него вырваться, если ты в отчаянии коришь себя за слабование, за неспособность, а в особенно плохие минуты подумываешь бросить школу — эта книга тебе просто необходима.

В «Учении с увлечением» ты прочитаешь о том, что «существуют

разные виды поведения людей, попавших в трудное положение.

...В зависимости от характера одни мечтают о приятном, другие, наоборот, о сладостно-неприятном. Мол, я иду отвечать к доске, меня просят сделать опыт, я выливаю какую-то жидкость из колбы и вдруг — взрыв! Я лежу мёртвый, а Татьяна Николаевна плачет надо мной и говорит: «Что я наделала: Это был мой лучший ученик!» И она плачет обо мне — из-за меня! — всю свою жизнь...

Заметим, что в таких сюжетах никогда не убивают учительницу, а непременно самого себя. Кто убит, того и жалко, а ведь все эти фантазии — от жалости к себе».

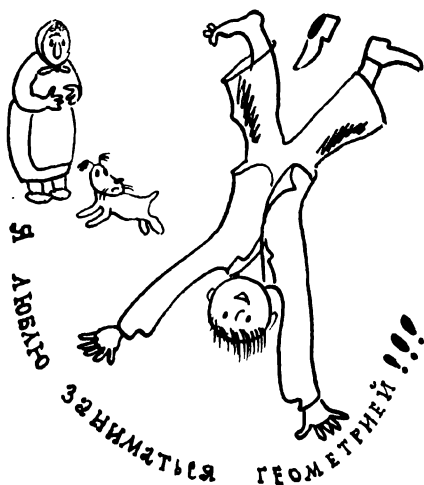
В книге рассказано и о других способах уйти от неприятности: отжаться долгой тоске, или плюнуть на уроки и сказать: «Гори всё ясным огнём!», или ждать, что всё образуется само собой, или спрятать дневник в поленнице дров. И непременно в одном из этих персонажей неудачника ты узнаешь себя. И посмеёшься над тем, что в жизни занимало тебя мучительно долгие часы. А это уже неплохо. К тому же автор объяснит тебе: «С каждым из нас случается такое: вместо того, чтобы разумно и реально действовать, мы «уходим» в мечту, пря-

чемся от действительности или избираем фантастические, чудовищные способы избежать неприятностей. И нам кажется, что мы сами изобрели их. А на самом деле все эти штуки давно известны, описаны, и мы, таким образом, не можем даже получить того удовольствия, какое имеет великий первооткрыватель».

Чувство покинутости, брошенности, которое возникает иногда наедине с трудной задачей, знакомо, наверное, каждому школьнику. «Думай, думай лучше», — твердит учитель, и от слов его берёт отчаянье: «Я и так думаю. Впрочем, что это значит — думать?» И так легко в эти минуты потерять веру в свои силы. Вот взрослым, тем легче. С этим и автор книги «Учение с увлечением» согласен: «Взрослым людям отчасти легче, чем ребятам: у них есть профессия и профессиональные навыки. Им легче сохранить веру в себя. Школьнику же на каждом уроке приходится заново завоевывать веру в свои способности: и на математике, и на литературе, и на физкультуре».

Вот так: «завоевывать», «заново», «на каждом уроке». Под силу ли эта программа титану школьнику? Под силу. Это второе, в чём ты удивишься, прочитав книгу. Ты узнаешь: беда нередко состоит в том, что мы пытаемся исправить положение разом, замысливаем про себя

героические поступки: «Выучу-ка к среде всю математику, так чтоб от зубов отскакивало — вот у ребят глаза на лоб полезут!» Но ничего не выходит. Порочный круг не замыкается. И ещё сильнее звучат в душе укоры и ещё меньше желания учиться.

С. Соловейчик убеждает: не надо никаких героических поступков. Действуй методом постепенного приближения. Начинай с малого. Ты составляешь себе режим дня, но вскоре убеждаешься, что совершенно неспособен его выполнить. И не надо. «Сделаем так, — предлагает автор, — каждый час будем непременно менять занятие, как в школе. Время мало отмечать в сознании, его надо отмечать, разделять реально — переменной дел, переменной «урока». Чем бы мы ни занимались, какое бы долгое занятие у нас ни было, разделим его на порции, внесём во время какую-то структуру и каждый час будем менять занятие. Даже если страшная лень напала — что ж, каждый час будем лениться каким-то другим способом, в этом всё дело!»

Кто скажет, что такой «урок» ему не под силу? Думаю, никто. Но зачем это нужно? — спросит читатель. А вот зачем. «Время, — убеждает нас Соловейчик, — тратится попусту не столько часами, сколько четвертями часов — из потери этих четвертушек и складываются все несчастья нашей жизни. Но если строго каждый час менять занятия, то легче будет избежать и потери „четверти часа“».

И еще: «планирование наперёд» (то есть режим) доступно сначала не каждому. Но меняя каждый час занятие, мы незаметно для себя начинаем учитывать своё время (автор так и рекомендует: записывать на бумажке, что ты делал в прошедший час). «Планирование и учёт внутренние связаны между собой. Планирование не удаётся? Наладим хотя бы учёт! И мы не заметим, как перейдём к планированию...» Это один из многих секретов, которые раскрываются в книге

С. Соловейчика. «Не будем рассуждать, — то и дело говорит автор, — посмотрим, что можно сделать практически».

Не знаю как ты, читатель, а я в детстве любил словари и энциклопедии. Мне казалось, что это наиболее короткий путь к вершинам познания. Позже я понял, что нет и не может быть такой универсальной книги, под обложкой которой хранился бы источник всех знаний, разгадка всех тайн. Однако мечта о такой книге живёт во мне и сейчас, потому что каждая хорошая книга стремится к исчерпывающей истине и каждая становится главой в великой энциклопедии человеческих знаний. Книга «Учение с увлечением» — такая энциклопедия учения и самовоспитания. Одно оглавление её звучит для любознательных поэмой: УЧЕНИЕ. УВЛЕЧЕНИЕ. ВРЕМЯ. ВОЛЯ. ВЕРА В СЕБЯ. УМСТВЕННЫЙ ТРУД. ТРУД ДУШИ. ВНИМАНИЕ. ПАМЯТЬ. УРОКИ В ШКОЛЕ. УРОКИ ДОМА. ЧТЕНИЕ.

Это вовсе не значит, что автор подготовил рецепты: «Вот тебе микстура от слабой воли, вот тебе пилюля от плохой памяти: глотай и будь здоров». Нет, конечно. Но что, прочитав книгу, ты поймёшь, как надо закалять волю и что делать с плохой памятью — это несомненно. Советы автора кажутся иногда смешными и наивными. Ну, например, такой: «Выберем самый трудный, нелюбимый предмет и, когда будем садиться за работу, подготовимся сначала психологически: потрём руки, улыбнёмся, скажем (лучше вслух): «Я люблю заниматься геометрией!» — а можно даже и перекувыркнуться... хотя, конечно, и не обязательно». Что это? Неужели автор советует нам всерьёз кувыркаться перед тем, как сесть за геометрию? А почему бы и нет? Во-первых, автор убеждён, что учение процесс в принципе радостный и творческий, если хотите, даже весёлый, если относиться к нему с увлечением, если все силы направить на поиск истины, не на получение

пятёрки или того хуже — на то, чтобы побыстрее закончить уроки и убежать во двор. Учебный процесс может доставить человеку ту полноту наслаждения, которую знают только счастливые люди. А во-вторых, это не так уж абсурдно: потирать руки от удовольствия перед тем, как сесть за нелюбимый предмет. «Потому что известно, что даже грустному становится веселее, если его каким-то образом рассмешить. Некоторые психологи считают, что и грустно нам потому, что мы плачем, а не наоборот! И боимся мы потому, что дрожим, а не потому дрожим, что боимся! Это не совсем верно, но что связь между нашими действиями и нашими чувствами двусторонняя — это несомненно».

В книге ты найдёшь много таких неожиданных советов и узнаешь о многих секретах «учения с увлечением». Например, ты узнаешь, что есть цели явные и тайные и научишься различать их. «Я хочу кончить год на четвёрки и пятёрки», — говоришь ты, а в действительности хочешь только одного — поменьше сил и времени тратить на занятия. И при этом вместе с автором ты сделаешь открытие: человек всегда достигает своей цели. «Но не той, что объявлена (пусть в мыслях), а тайной, настоящей нашей цели. То, чего мы действительно всей душой хотим, того мы и достигаем. Если цель была отлынивать от работы — так и получается. Мы прекрасно проводим время, то есть добиваемся того, чего втайне желали. Но в таком случае глупо огорчаться из-за плохих отметок. Мы вовсе не желали пятёрок, мы говорили о них только для приличия и успокоения совести».

Ты узнаешь, что «на земле есть только одно укрытие от страха — бой, сражение, действие». Если ты потерял веру в себя, то, прочитав книгу, наверняка разделишь вместе с автором мнение, что «человек не может быть красивым, если он не чувствует себя красивым, не может быть умным, если он не чувствует

себя умным, не может быть добрым, если он не чувствует себя — хоть в самой глубине души — добрым». Только тот, кто любит и уважает в себе человека, может быть по-настоящему добр и внимателен к другому. Ты поверишь, что лучший способ избавиться от собственной слабости — помочь другому, узнаешь, что действительная мечта отличается от мечты бесплодной: «первая — это мечта о работе и успехе; вторая — только об успехе».

Всё это не просто фразы. Автор ведёт с нами практический разговор. Недаром каждая глава заканчивается разделом «Опыты на себе». В нём набор упражнений и рекомендаций. Знаешь ли ты, например, что «человек, который спит с 10 вечера до 6 утра (8 часов), высыпается лучше того, кто спит с 11 вечера до 8 утра (9 часов)»? Возможно, тебе понравится идея учителя Сухомлинского и ты станешь делать уроки по утрам, и всё вечернее время отдавать отдыху, общению с друзьями, любимому делу. А знаешь ли ты, что донецкий учитель Виктор Фёдорович Шаталов давно

открыл способ, как всех ребят увлечь математикой? «Для того чтобы ребята, даже самые отстающие в математике, могли добиться первого успеха, Виктор Фёдорович стал задавать на дом не одну, не две, не три задачи, как обычно, а... сто! Сто задач сразу! Оказалось, что это не самый тяжёлый, а самый лёгкий урок!» Ты скажешь: шутка, парадокс! В книге «Учение с увлечением» таких «парадоксов» великое множество и все они направлены на одно: научить школьника думать, научить хотеть учиться, научить чувствовать за каждой вещью, книгой, учебником живого человека, научить, наконец, любить нелюби-

мый предмет. Снова парадокс, скажешь ты, разве можно научиться любить? Ведь чувство это тем и удивительно, что неподвластно нам. Всё верно и всё же никакого парадокса в этом нет. Прочитав книгу С. Соловейчика, ты поймёшь, почему я так говорю. Ты поймёшь также, что «учению с мучением» пришёл конец, что ты знаешь теперь, с чего начинать, а поэтому можешь свернуть горы, что наступает новая пора в твоей школьной жизни.

Иди в библиотеку, бери книгу С. Соловейчика «Учение с увлечением» и — учись учиться.

Н. КРЫЦУК

Рис. Л. Московского

ДАВАЙТЕ ЗНАКОМИТЬСЯ

Николаю Крыцку 31 год. Он окончил филологический факультет Ленинградского университета и работал учителем, лектором-литературоведом, редактором. В издательстве «Детская литература» готовится его первая книга, она посвящена творчеству Александра Блока.

Н. Крыцук — участник XV конференции молодых писателей Северо-Запада. В марте этого года Н. Крыцук в составе ленинградской делегации поедет на совещание молодых писателей в Москву.

В журнале «Искорка» Н. Крыцук печатается впервые.

16 ДНЕЙ НАЕДИНЕ С ТАЙГОЙ

В конце лета десятилетний хабаровский школьник Валерий Болотов отправился на прогулку в тайгу. К вечеру домой он не вернулся.

На поиски пропавшего школьника были подняты сотни людей — местные жители, охотники, работники милиции. Тайгу прочёсывали вертолёты и вездеходы.

Прошло 16 дней. Валера за это время прошёл десятки километров. Питался плодами шиповника, желудями, ягодами. Но он не падал духом. Наконец, худой и оборванный, натолкнулся на грибников.

За 16 дней «путешественник» потерял в весе четыре килограмма, но сохранил бодрость и здоровье.

«ГОСТЬ» ИЗ АРКТИКИ

В водах Кильской бухты матросы западногерманского торгового судна, направлявшегося на разгрузку в Киль, обнаружили огромного кита.

Никто из специалистов не мог объяснить, каким образом кит попал из арктических вод в Балтийское море.

Двое суток «гостил» неожиданный пришелец с Севера в бухте, держа в напряжении капитанов и лоцманов.

СНОВА ТУННЕЛЬ!

В течение ряда лет дискутируется вопрос о том, что строить для переправы через Ла-Манш: мост или туннель?

Сейчас железнодорожные ведомства Англии и Франции разрабатывают проект строительства туннеля под Ла-Маншем. В туннеле будет одна железнодорожная колея. Поезда будут двигаться поочередно в каждом направлении в течение часа. Пропускная способность составит 120 составов день.

«ЛАСТОЧКИНО ГНЕЗДО»

Так называется крутая скала, возвышающаяся над Амуром. С неё открывается живописная панорама окрестностей города Хабаровска.

120 лет назад на этом месте был построен первый сторожевой пост, положивший начало городу. Чтобы защитить утёс от разрушительных ледоходов и быстрых течений, вокруг него сейчас возводится бетонированная набережная.

ПИОНЕРСКИЙ МУЗЕЙ

В Смоленске в одной из башен старинной крепостной стены, открыт Музей пионерской славы. В нём собраны документы, рассказывающие об истории пионерского движения в стране. Многие экспонаты изготовлены руками школьников. Вдоль стены, где расположен музей, разбит парк юных пионеров.

ЧЁРНЫЕ ЗУБЫ

Во многих районах Азии самыми здоровыми считаются зубы чёрные. Чернота эта искусственная.

Популярен такой метод «чернения»: свеженарезанные дольки лимона держат во рту несколько дней. Содержащаяся в них лимонная кислота укрепляет эмаль и удаляет известь. Затем на бумагу накладывают смесь чёрной краски, имбиря и манго и прижимают к зубам. Через полсутки зубы приобретают плотное и чёрное покрытие, надёжно защищающее их от повреждения.

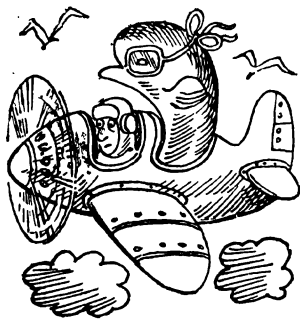
...сосна — лучший среди деревьев ионизатор воздуха! Такой зелёный фильтр под окном даёт возможность дышать чистым воздухом. Вот почему в сосновом лесу так легко дышится. Воздух здесь не только чист, но и полезен, целебен. Недаром многие курорты и санатории нашей страны расположены среди сосновых боров.

...рыбаки курортного городка Торвааяника, расположенного близ итальянской столицы, выловили черепаху весом... 300 килограммов! Она оказалась представительницей беспанцирных черепах — редчайшего вида, распространённого лишь в тропических водах. Появление животного, столь необычного для этого района Средиземноморья, учёные объясняют зарождением нового тёплого течения.

...и дельфины путешествуют! Началось с того, что десять дельфинов, выловленных у берегов Японии, несколько часов провели в грузовике, доставившем их из рыбацкого порта в префектуре Вакаяма до Осакского аэропорта. Там пересадка в самолёт. Посадка в аэропорту Гонконга и снова грузовой автомобиль. Лишь в гигантском аквариуме дельфины обрели родную стихию. Весь путь они провели в подвешенном состоянии, обмотанные влажными одеялами. Успешное транспортирование дельфинов, по мнению японских учёных, имеет большое значение для работы по приручению этих морских животных.

...на предприятиях нашего города создано 37 «школьных» цехов! Самым современным оборудованием оснащён новый участок в обувном объединении «Скорород». Здесь рабочие специальностями станут овладевать старшеклассники школ Московского района. На учебно-производственных комбинатах города под руководством опытных мастеров юноши и девушки получают профессии металлистов, корабелов, химиков, приборостроителей, ткачей...

...уникальную коллекцию старинных монет собрали историки-любители села Шипки (Болгария)! В музее при сельской читальне «Светлина» представлены медные денежные знаки, отчеканенные в IV и III веках до нашей эры и найденные при раскопках фракийских поселений, греческие монеты и римские денежные единицы, датированные первым веком нашей эры. Значительную часть коллекции составляют русские монеты, относящиеся к различным периодам времени.

...редкое явление природы наблюдалось истекшим летом на станции Океанской близ Владивостока! Стоял полный штиль, светило солнце. Вдруг над горячим песком взморья со стороны леса появилось

большое шелестящее облако из... миллионов стрекоз. Сометровая в ширину и более чем километровая в длину стая сливалась в единый стремительный рой. Полуденное солнце горело в сетчатых, быстро движущихся крыльях. Зрелище было изумительным. Насекомые исчезли с побережья лишь с наступлением темноты.

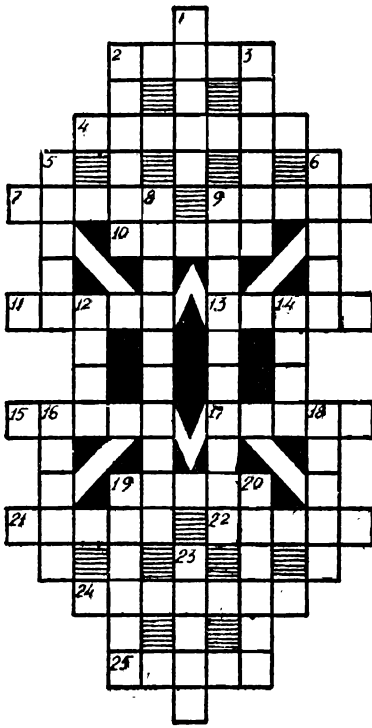

...американка Джеки Тонаванда уже 12 лет занимается боксом! За это время она провела 23 боя с другими боксёрами-женщинами и все выиграла, причём три из них — нокаутом. Её рост — 177 сантиметров, весит она 78,7 килограмма. Джеки подала судебную жалобу на спортивную комиссию штата Нью-Йорк за отказ ей в правах профессионального боксёра. Она связывает получение этих прав с возможностью зарабатывать боксом на жизнь.

...и зверям нужен отдых! Наблюдения сотрудников токийских зоопарков (Япония) показали, что работа без выходных невыносима даже для зверей. Толпы посетителей, особенно по воскресным дням, выводят обитателей зоопарков из равновесия. Слоны и морские львы обливают зрителей водой, обезьяны со злобой бросают в них остатки пищи. Чтобы дать зверям отдых, по рекомендации токийского муниципалитета зоопарки города будут закрыты два дня в месяц.

По горизонтали. 2. Двучлен. 4. Озеро в Новгородской области РСФСР. 7. Наставление, указание, как поступить в том или ином случае. 9. Накладные кожаные голенища. 10. Загородный дом с садом или парником. 11. Широкое дамское пальто. 13. Единица электрического напряжения. 15. Однолетнее или многолетнее растение. 17. Знак препинания. 19. В древ-

негреческий мифологии чудовищная девятиголовая змея. 21. Небольшой объем жидкости, принимающий округлую форму вследствие сил поверхностного натяжения. 22. Птица семейства фазановых. 24. Место произрастания ягодных растений. 25. Животное, принадлежащее к роду полуобезьян, распространенное на острове Мадагаскар.

По вертикали. 1. Флаг. 2. Советский писатель-фантаст. 3. Стиль, технические приемы, характерные для художника. 5. Ежедневная легальная большевистская газета. 6. Полезное ископаемое. 8. Полиграфическое предприятие. 9. Клавиши музыкального инструмента, пищащей машинки. 12. Река в Ленинграде. 14. Второй завтрак. 16. Большое повествовательное произведение. 18. Геометрическое тело. 19. Часть речи. 20. Судья в соревнованиях. 23. Английский астроном.

ПОИСК ЗАКОНОМЕРНОСТИ

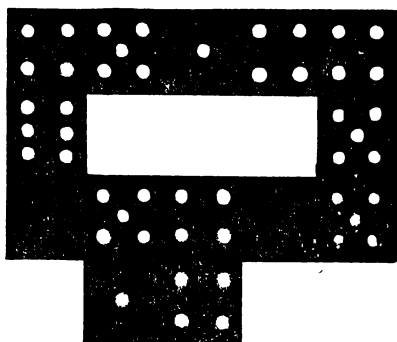
Буквы для этих строк подобраны исходя из определенных условий, различных для каждой из строк. Если вам удастся определить, какова закономерность подбора букв верхней строки, а также закономерность, характерную для второй строки, то вы сможете продолжить оба ряда, дописав недостающие буквы.

АВЕКНОР ...

БДЖЗИЛМ ...

И если хорошенько подумать, то можно составить и третий ряд букв по аналогии с первыми двумя.

ДОМИНО

Постарайтесь разобраться, из каких косточек одного комплекта домино сложена эта фигура?

Проверь себя

(Ответы к «Искорке» № 12)

КРОССВОРД

По горизонтали. 2. Смерч. 4. Капитка. 7. Замок. 9. Книга. 10. Ока. 11. Вагон. 12. Венец. 13. Гну. 14. Динго. 16. Наказ. 19. Кафедра. 20. Абрис.

По вертикали. 1. Кефир. 2. Стадо. 3. Чекан. 5. Гагарин. 6. Агрегат. 8. Конго. 9. Кавун. 15. Графа. 17. Адрес. 18. Перро.

МЕХАНИЗМЫ

Под действием опускающегося груза В, вал А будет вращаться в направлении против часовой стрелки.

МАЛЕНЬКИЙ РЕБУС

Припев = П + (т)ри + П Е в

РЕБУС-МАЛЮТКА

Дубрава = Д у Б + Р + А в А

Содержание

Соединим наши руки. Стихотворение Николаса Гильена . . .	1
Салют. Очерк Василия Островского . . .	2
Дневник Тани Савичевой. Песня А. Михайлова на стихи В. Шумилина . . .	8
Ника. Повесть Николая Фёдорова . . .	10
Песня для детей Английских островов. Стихотворение Николаса Гильена . . .	23
Куба далеко — Куба близко. Очерк Т. Зазориной . . .	24
Знакомьтесь: бригада с Кировского. Очерк Т. Зазориной . . .	27
Свитерок. Хорошо. Стихи Марины Тахистовой . . .	29
Этот опасный Сидоров. Рассказ Александра Лисняка . . .	30
В зимний день. Весна. Лён. Стихи Славы Гущиной . . .	34
Что было? Носорог. Стихи Натальи Десятковой . . .	35
Презент. Повесть Бориса Алмазова . . .	36
Спасибо тебе, Мэрген — богатырь! Ты — человек. Нанайские народные сказки . . .	49
Первый снегирь. Тимка. Рассказы Владимира Клевцова . . .	53
Учись учиться! Рецензия Н. Крыщука . . .	56
Пёстрые заметки . . .	61
Клуб смекалистых ребят . . .	63

На 1-й странице обложки рисунок Л. Московского «У костра — весело».

На 2-й странице обложки «Республике Куба 20 лет». Фото ТАСС.

На 3-й странице обложки рисунок А. Пахомова «Первый салют в Ленинграде».

На 4-й странице обложки рисунок Г. Моисеевой «Зимние загадки».

Редактор Л. А. АНИЩЕНКО

Редактор-составитель Д. Б. КОЛПАКОВА

ОБЩЕСТВЕННАЯ РЕДКОЛЛЕГИЯ: А. Е. Власов, Н. А. Внуков, К. И. Курбатов, А. М. Млодик, Б. Н. Никольский, В. Н. Суслов, И. А. Туричин

Адрес редакции: Ленинград (191023), Фонтанка, 59, комн. 444. Телефон: 212-87-55.

Сдано в набор 30.11 1978 г. Подписано к печати 17.01 1979 г. 4 п. л. М-20009. Зак. № 885. Формат бумаги 70 × 108¹/₁₆. Цена 10 коп. Тираж 55 000 экз.

Ордена Трудового Красного Знамени типография им. Володарского Лениздата. 191023, Ленинград, Фонтанка, 57.

раскинут ковёр, рассыпан горох, ни ковра поднять, ни гороху собрать

молод был-светло светил,
под старость стал,
меркнуть стал

из какого коша не прыт, не сарт,
а только на него глядят?

по морю голубому
гуси белые плавут

прихожу-все рады,
ухожу-все рады

отец еще в амьке лежит,
сын уже в поле бежит

старик-шутник
на улице стоять не велит,
за нос домой тянет

у какого дерева 12 сучьев,
на каждом суку 4 ветки,
на каждой ветке по 7 листьев?

что растёт
вниз головой?

на дворе горой, а в избе
водой

два раза рождается,
одним раз умирает

под гору - коняшки,
в гору - дерев яшки

что совсем ничто,
а всё-таки видимо?

летом в шубе,
а зимой голо